

СЕКЦИЯ 1

**«ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ»**

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В 1917 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ) Губскова Г.Г., кандидат исторических наук	4
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА Б. Н. ЕЛЬЦИНА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА НЬЮ-ЙОРКЕР: ВЕРБАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (1991-2000 ГГ.) Гулютин Н.Н.	10
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ НЭПА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ) Жайбалиева Л.Т., кандидат исторических наук.....	15
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА Злобин Ю.П., кандидат исторических наук, доцент	18
СТАНОВЛЕНИЕ ОРСКО-ХАЛИЛОВСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА: 1939-1945 ГОДЫ Исаков В. В., магистрант.....	27
ЗА ЧТО ПОМНИТЬ ЛИКУРГА Искендеров С.Р., Ли И.К., старший преподаватель	32
РАЗВИТИЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ГОРОДЕ ОРСКЕ В 1950–1970 ГОДАХ Кашаева Е.А., магистрант.....	36
ОРЕНБУРГ КАК ОБРАЗЦОВЫЙ ГОРОД-КРЕПОСТЬ XVIII ВЕКА Кобер О. И., доцент кафедры архитектуры.....	39
НАЧАЛО РУСИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И НОРМАННСКИЙ ВОПРОС Поляков А.Н., кандидат исторических наук, доцент	45
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ Приказчикова О.В., кандидат исторических наук	53
ИЗУЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОЧНИКОВ Сафонов Д.А., доктор исторических наук, профессор	57
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ АЛЕКСАНДРА II Сбитнева А.С., магистрант.....	59
ВКЛАД ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Томина Е.Ф., кандидат педагогических наук.....	63
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЛИКА КИЕВСКОЙ РУСИ В ФИЛЬМЕ «ВИКИНГ» 2017 ГОДА Турсунбаева Д. И., магистрант.....	69

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЁ ДЕЯТЕЛИ СОВРЕМЕННОСТИ Чурбаев А.Р.....	75
РОЛЬ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СКИТОВ В ЖИЗНИ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ- СТАРООБРЯДЦЕВ Ягудина О.В., кандидат исторических наук.....	78

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В 1917 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

**Губскова Г.Г., кандидат исторических наук
Оренбургский государственный университет**

Февральская революция 1917 года, вызвала бурный рост демократических настроений в обществе, сделала реальными перспективы либеральных преобразований в социальной сфере. В этот период оживленные дискуссии вокруг вопросов перестройки системы народного просвещения велись не только в центре, но и в регионах. Временным правительством и Министерством народного просвещения за восемь месяцев принято большое количество постановлений по вопросам народного образования. Отменён ряд наиболее реакционных законов дореволюционного периода в сфере просвещения и намечены определённые мероприятия по перестройке системы образования в стране.

Было положено начало объединению учебных заведений различных ведомств, их переход в ведение Министерства народного просвещения. В мае-июне 1917 г. Временное правительство приняло постановление о передаче церковно-приходских школ из ведения Синода в ведение Министерства народного просвещения и передаче Министерству народного просвещения всех училищ, включённых в школьную сеть всеобщего обучения или пользующихся казёнными средствами.

Одновременно начался процесс децентрализации школьного управления: упразднялись городские, уездные и губернские училищные советы. Их функции передавались соответствующим земским управам и городским думам. Таким образом, в ведение местных органов самоуправления должны были перейти начальные школы различных типов. Исполняющий обязанности Попечителя Оренбургского учебного округа В. Гордлевский, сообщил об этом директорам и инспекторам народных училищ, губернским, уездным и городским училищным Советам, губернским и уездным земским управам Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний.

Вышел министерский циркуляр, предоставляющий право определять срок окончания учебных занятий в начальных народных школах инспекторам народных училищ по соглашению с земскими управами. Завершался 1916-1917 учебный год. Учебные занятия в начальных училищах г. Оренбурга по постановлению Школьной комиссии проводились до 13 мая (по новому стилю) 1917 года, а 1 мая считался праздничным и учебные занятия в этот день были отменены [1, л. 11].

Начавшийся процесс децентрализации натолкнулся на ряд определённых трудностей. При переходе осенью 1917г. начальных школ в ведение органов местного самоуправления, оказалось, что земства не готовы к принятию такого количества школ без финансовой помощи со стороны правительства. В ведении

Оренбургского уездного земства находилось 115 земских школ, 135 министерских и 202 церковно-приходских школы. Желая, чтобы учебные занятия в этих школах продолжались в новом учебном году, Оренбургская уездная земская управа обратилась к сельским обществам за поддержкой. Были разосланы циркуляры, в которых управа предлагала, хозяйственное содержание бывших министерских школ, сельским обществам взять на себя. Сельские общества с этим предложением согласились, и занятия в министерских школах велись с начала 1917/1918 учебного года, хотя и были перерывы вследствие отказа обществ в топливе. Управа обратилась также с просьбой и к учителям.

По отношению к бывшим церковно-приходским школам, был разослан циркуляр от 27 сентября 1917 года где сельским обществам предлагалось принять хозяйственное содержание бывших церковно-приходских школ. «Уездная земская управа может открыть церковно-приходские школы только лишь при условии, если сельские общества примут на себя наём помещения там, где таковое не имеется, отопление, освещение, прислугу и квартиру учителя» [2, л. 23]. Сельские общества в основном приняли на себя хозяйственное содержание бывших церковно-приходских школ, но во всех поступивших приговорах подчёркивалось, что это носит временный характер. В случаях отказа сельских обществ, занятия в школах не начинались. Но даже тогда, когда сельские общества и изъявили согласие и школы были открыты, поступали заявления учителей, что наём помещений многих церковно-приходских и министерских школ ещё не оплачен, не получают жалования школьные сторожа, многие учителя истратили свои собственные сбережения в надежде получить их от земства.

Таким образом, передав школы в ведение местного самоуправления и не профинансировав реформу, правительство поставило земства в очень сложные условия. Одинаковые трудности испытывали и другие уездные земства Оренбургской губернии. Челябинская уездная управа также оказалась не готова к приёму такого количества школ. Весной 1917 года она готовила книги и письменные принадлежности для 135 школ, а к осени количество школ увеличилось до 400. Местные власти в сложившейся ситуации от слов перешли к делу, отпустив на эти цели более 300 тыс. рублей сверх сметы.

Чтобы не сорвать начало учебных занятий в губернии в 1917-1918 учебном году, рассчитывать пришлось на сознательность и преданность своему делу учителей, а бремя финансовых расходов переложить на местное население.

Оренбургская городская дума уделяла серьезное внимание развитию и поддержке народного образования. Анализ журналов заседаний Оренбургской городской думы за 1917 год показал, что рассматривался широкий круг вопросов школьного образования. Поступавшие прошения о выдаче пособий нуждающимся, дума удовлетворяла полностью. Например, 21 октября постановили выдать пособие учительнице 11 женского училища города Оренбурга, на обращение заведующей 2 женского училища в городскую управу с просьбой – уволить по болезни и выплатить жалование в размере двухмесячного содержания.

Оренбургская городская дума 24 октября постановила: «уволить, выдав пособие за 2 месяца - 313 рублей 32 копейки» [3, л. 247-247 об.].

На заседании от 25 ноября 1917 г. рассматривался вопрос о передаче церковно-приходских школ в ведение города. Оренбургская городская дума постановила: «Принять заключение Управы с добавлением, что вновь ассигнуемые суммы на содержание (бывших церковно-приходских школ) в текущем году отнести на сбор с увеселений и зрелищ» [4, л. 381].

Анализ архивных материалов позволяет говорить об усилении внимания к нуждам школы со стороны органов местного самоуправления. Несмотря на ряд недостатков и трудностей в губернии перешли к расширению школьной сети в 1917 году как в губернском центре так и в уездах.

Наиболее популярным среди населения типом школы, являлись высшие начальные училища, которые давали законченное начальное образование. В Оренбургской губернии на 1 января 1917 г. действовало 22 высших начальных училища (6 – мужских и 16 – смешанных), количество учащихся в них составляло 3220 человек. Решение об отстранении директоров и инспекторов и передаче высших начальных училищ в ведение местного самоуправления состоялось 26 сентября 1917 года, т. е. уже в начале нового 1917-1918 учебного года. На попечительные советы училищ законом был возложен выбор заведующих и преподающих лиц, а директорам высших начальных училищ предоставлено право утверждать преподавателей. Теперь, согласно указанию министерства, назначение заведующих и учителей допускалось только по соглашению с органами местного самоуправления. Рекомендованные самоуправлениями кандидаты должны иметь соответствующий образовательный ценз и необходимые нравственные и служебные качества.

В течение весны и лета 1917 года Временным правительством были предприняты некоторые предварительные шаги по устранению разрыва между отдельными ступенями обучения. Появилась возможность открывать четырехклассные гимназии и реальные училища, в которые могли свободно поступать дети, окончившие высшие начальные училища. В 1917 году на территории Оренбургской губернии действовали 18 средних учебных заведений находившихся в ведении Министерства народного просвещения. Среди них: 1-я и 2-я Оренбургские мужские гимназии, Троицкая мужская гимназия, 1-я и 2-я Оренбургские городские женские гимназии, Миасская женская гимназия Романовых, Троицкая женская гимназия, Верхнеуральская женская гимназия, Орская женская гимназия, Челябинская женская гимназия и другие. Обучение велось так же в женских частных гимназиях М. Д. Комаровой-Колмаковой, Н.В. Евстафьевой и Маминой, мужском частном среднем учебном заведении А.В. Бардина [5, с.48]. В городах: Оренбурге, Челябинске, Орске, Верхнеуральске действовали реальные училища.

В губернии существовало определенное разделение гимназий по социальному составу учащихся. Так например, во 2-ой женской гимназии г. Оренбурга накануне революции в составе обучающихся преобладали дети мещан (73,9%) [6, с.72]. Плата за учебу здесь была ниже, чем в других гимназиях горо-

да. Согласно данным отчета о состоянии народного образования в г. Оренбурге за 1915 г. она составляла в 5, 6 и 7 классах – 30 рублей в год, в дополнительном, педагогическом (8 классе) – 40 рублей. В частной женской гимназии М.Д. Комаровой – Колмаковой плата гораздо выше – соответственно здесь и более привилегированный состав. В младшем пригготовительном классе она составляла 50 рублей, с 1 по 4 классы – по 80 рублей в год, с 5 по 7 – по 90 рублей в год [6, с.76]. Дети дворян и чиновников составляли 27,2% от общего числа учащихся, 29% – дети мещан.

Вспоминая годы учебы в гимназии, дочь приказчика – раскройщика кож, А. Курилова писала: «...меня определили во 2–ю оренбургскую женскую гимназию. Вместе со мной поступила подружка Лиза Чубарова – дочь рабочего. О годах учебы в гимназии у меня сохранилось немного воспоминаний. Не смотря на то, что наша гимназия была мещанская, все же к нам, девочкам с окраины, отношение большинства гимназисток было пренебрежительным. Форму и мне и Лизе обычно шили на рост, носили ее по многу лет, локти приходилось чинить. Нарядные девочки в платьях «с иголки» не хотели с нами сидеть на одной парте... Немало в гимназии было муштры, зубрежки «закона божьего», но было и хорошее. Тепло вспоминаю учительниц словесности и рукоделия. Это были прогрессивные представители интеллигенции, которые старались привить любовь и уважение к народу, трудящимся»[7, л. 5].

В своих воспоминаниях о событиях поздней осени 1917 г. А. Курилова писала: «...наша гимназия вышла на одну из демонстраций с лозунгом «За равноправие женщин», который вышивали на уроках рукоделия белым шелком на красном полотнище. Каким шипением встречали этот лозунг многие из стоявших на тротуарах. А у преподавательницы рукоделия были потом неприятности...» [7, л. 6].

Проведённые в период деятельности Временного правительства преобразования сделали среднее образование несколько более доступным для народных масс и тем не менее среднее образование осталось привилегией обеспеченных слоёв населения.

Оренбургское учительство накануне Февральской революции, как в целом российское учительство, было сконцентрировано в различных типах учебных заведений: в начальной школе, высших начальных училищах, гимназиях, коммерческих и реальных училищах и т.д. Согласно постановлению Временного правительства от 28 марта 1917 года основной оклад учителей народных училищ был повышен с 360 до 600 руб. в год, что составляло 50 рублей в месяц. В течение 1917г. учительницы бывших церковно-приходских школ г. Оренбурга получали 40 рублей в месяц [8, л.78]. Учителям городских церковно-приходских школ, которые не пользовались квартирой при школе, выдавалось ежемесячно из церковных сумм квартирное пособие по 5 рублей. Учителя этих школ так же получали прибавки к основному жалованию за каждые пять лет службы.

В отношении оплаты руководящему и педагогическому персоналу высших начальных училищ принято постановление Временного правительства,

по которому установлен годовой оклад заведующему-инспектору – 1800 рублей, а учителям общеобразовательных предметов – 1440 рублей в год (120 рублей в месяц). Правительство сохранило существенный разрыв в оплате труда учителей.

После февральских событий 1917г. в Оренбурге, Челябинске, Златоусте и других городах и уездах губернии созданы филиалы Всероссийского учительского союза, что способствовало повышению активности и инициативы педагогической общественности региона. Осенью 1917г. в Оренбурге было создано губернское бюро отдела ВУС.

В земствах также активизировалось обсуждение многих актуальных вопросов связанных с реформированием народного просвещения. С 7 по 12 сентября 1917 года в Оренбурге проходило VI Губернское Земское совещание по народному образованию [9, л.1]. Было заслушано сообщение заведующего отделом народного образования при Губернской земской управе К.Н. Березникова о всероссийских съездах земских деятелей по народному образованию, общественному призрению детей, союза земских служащих и Всероссийского Учительского Союза.

Тема второго доклада К.Н. Березникова: «О взаимоотношениях губернского, уездных и волостных земств». Он отметил стесняющую опеку над деятельностью земств в условиях царской России, высказал мнение о том, что земствам должна быть предоставлена широкая инициатива и самостоятельность. Собрание приняло постановление чётко разграничивающее функции губернских, уездных и волостных земств по вопросам народного образования.

Обсуждался вопрос о распределении денежных ассигнований между губернскими и уездными земствами. После бурного обсуждения собрание признало, что заведование и руководство делами народного образования должно быть целиком передано уездным земствам, при этом губернское земство должно финансировать 2/3 расходов на мероприятия внешкольного характера.

Шестое губернское земское совещание постановило, что осуществление принципов демократизации школы и децентрализации её управлением, требует упразднения института инспекции и дирекции народных училищ и учебно-окружных управлений. Было высказано предложение создать новые органы – школьное попечительство. В состав школьного попечительства должны входить все учителя школы и представители родителей половины учащихся. Школьное попечительство должно вести хозяйственными делами своей школы и пользоваться правом широкой инициативы. В школах также предлагалось учредить педагогический совет, который занимается учебно-воспитательными вопросами. Собранием были определены состав и функции волостных комитетов по народному образованию. Таким образом, на местах выдвигали требования более радикальных изменений в сфере народного просвещения. Но многие решения местных земств не успели воплотиться на практике, а часть вопросов так и осталась на этапе первоначального обсуждения. Децентрализация, не

подкреплённая финансовой поддержкой, поставила губернское и уездные земства в очень тяжелые условия.

После установления с 26 октября 1917 года на территории Оренбургской губернии власти атамана А.И. Дутова, все функции по управлению народным образованием на территории Оренбургской губернии были переданы в ведение губернского и уездных земств и органов городского самоуправления. Вопросы по организации деятельности учебных заведений города Оренбурга находились в ведении Комитета по народному образованию. Переход образовательных учреждений под контроль местных властей позволил сохранить школьную сеть в губернии действующей, не допустить срыва учебного процесса, финансирование которого осуществлялось в основном из местных средств.

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 1531.
2. ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 160.
3. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 96.
4. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 96.
5. Болодурин, В.С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735-1940 годы). / В.С. Болодурин. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2001. – 320 с.
6. Отчет о состоянии народного образования в г. Оренбурге за 1915 г. – Оренбург: Б.и., 1917. – 160 с.
7. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 6002. Оп. 1. Д. 525.
8. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1545.
9. ГАОО. Ф. 43. Оп. 3 Д. 257 А.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА Б. Н. ЕЛЬЦИНА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА НЬЮ-ЙОРКЕР: ВЕРБАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (1991-2000 ГГ.)

Гулютин Н.Н.

Сибирский Федеральный Университет, Красноярск

Как говорил американский исследователь – Джозеф Най, «язык и культура страны – это «мягкая сила», которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи» [1]. Исходя из этого можно утверждать, что одним из проявлений то самой «мягкой силы» – это формирование общественного мнения с помощью средств массовой информации. В современных реалиях сложилась следующая картина – «люди смотрят на мир «глазами» массмедиа, а следовательно, формируют для себя политическую картину мира посредством дискурса политических медиаобразов» [2]. В результате эволюции методов формирования общественного мнения, средства массовой информации начинают выступать в качестве основных манипуляторов общественного сознания, так как именно СМИ способны притуплять сознание социума через передачу стереотипной информации, «подаваемую таким образом, чтобы сформировать в индивиде невозможность критического отношения к действительности» [3]. Именно под влиянием СМИ идут первоначальные представления о различных политических событиях, в результате чего, тот или иной факт приобретает новый окрас, который необязательно является достоверным. В большинстве случаев, человек, получающий информацию через спектр телевизионных передач, Интернет, и другие СМИ человек получает информацию, не в полной мере задумывается, насколько ей можно доверять, и, преимущественно, на такую информацию человек ориентируется [4]. В современном мире, где информация с каждым годом ценится все больше, современные СМИ активно участвуют в формировании политических медиаобразов государств, используя при этом весь спектр возможных стратегий и технологических приемов для конструирования имиджа страны.

Использование «мягкой силы» может осуществляться с точки зрения двух стратегий – увеличение аттрактивности (положительная) и стратегия ментального отторжения (отрицательная) [5]. Одним из главных инструментов создания политического медиаобраза является медийный технологический арсенал, который может задействоваться с целью фильтрации информационного материала, смыслового и эмоционального конструирования образов политической жизни и конкретных политических событий, а также производства нужной «полярности». Например, одним из медийных способов смыслового конструирования является фрейминг – подстраивание медийной информации под определенные формулы политического мышления и восприятия. Фреймирование приводит к продуцированию медиашаблонов, более упрощенному способу подачи новостей, сужению смысла политических образов до стереотипа [6]. Среди шаблонов данного способа ярко выделяется следующий – рассмотрение по-

литических явлений, отдельных событий и политических персонажей через призму бинарных оппозиций: друг – враг, миротворец – агрессор, демократия – диктатура, свобода – бесправие и т. д.

Медиаобраз страны – это достаточно динамичный феномен, который зарождается и появляется уже на заре возникновения государства и эволюционирующий весь период исторического освоения и заселения территории [7].

По словам Б. И. Пантина, сформированный медиаобраз России на Западе – это результат «различий в плане возникновения, эволюции и организации экономики, представления Запада о своей универсальности, асимметричных неожиданных ответов России на вызовы Запада, не вписывающиеся в стандартные рамки мышления западных элит» [8].

Изучая медиа образ страны, можно выделить его вербальную составляющую. Это лексические способы репрезентации реальности, которые используют средства массовой информации, агентства, специализирующиеся на связях со общественности и радиоканалы.

Язык имеет способность задавать определённые рамки восприятия реальности. С помощью определённого набора лексических и риторических технологий возможно создавать требуемые смысловые акценты, диктующие приоритеты восприятия. С помощью языка можно как создавать новые стереотипы через систему знаков образа, так и разрушать старые стереотипы, а также предавать им смысловую глубину и эмоциональный заряд.

Новым трендом в современных гуманитарных исследованиях стало использование инфографики. Инфографика позволяет лаконично визуализировать довольно большие массивы данных. Использование инфографики подразумевает не только использование специального программного обеспечения, а также изучение теории инфографики.

Зачастую этот метод понимают как метод, обратный подачи информации в формате простого текста. Но это довольно ограниченный взгляд, показывающий отсутствие понимание целей, задач и методологии инфорграфики, а также опускает существование метода типографической инфографики, в котором контент подается через использование текста с различными типографическими форматами шрифта – цвет, кегль, начертание, интерлиньяж, композиция.

«Облако слов» или «облако тэгов» – это визуальное изображение списка ключевых элементов массива данных (тэгов). Тэги зачастую являются отдельными элементами, важность которых относительно самого массива изображается размером кегля и цветом [9].

Специальное программное обеспечение – генератор облака тегов считает предложенный текст как массив данных, создает частотный словарь, и показывает наиболее часто встречаемые его элементы в виде типографической инфографики по принципу «чем больше частотность слова, тем больше кегль шрифта, которым оно изображено». Результатом является изображение, которое позволяет лаконично донести семантику текста [10].

Основой журнала является текст, статьи на различные темы. Одной из отличительных черт журнала «Нью-Йоркере» является постоянно присутствующим

шая в журнале тема России. При нынешнем главном редакторе – Дэвиде Ремнике – тема России раскрылось через множество статей. Несомненно, что здесь играет большую роль личный опыт главного редактора, очевидно воздействующий и на степень внимания, и на глубину анализа происходящего в нашей стране.

Используя технологию «облака слов» мы можем проанализировать массив статей о России, опубликованных в издании, проследить ключевые сообщения, смысловые акценты и приоритеты в подаче материалов о России и на основе этого реконструировать редакционную политику.

«Нью-Йоркер» публикует материалы о прошлом и настоящем России, о политической и социальной обстановке в бывшем СССР, в основном, в разделах «Письмо из...» и «Городские сплетни».

Внутренней и внешне политике России эпохи Бориса Николаевича Ельцина в журнале посвящено 7 статей.

Первой статьей о России в выбранный период является «Письмо из Москвы» [11] от 23 марта 1992 года (затем статьи из этой рубрики будут иметь отдельные названия) о первом президенте СССР М.С. Горбачеве и его отставке в августе 1991 г.

В ноябре 1993 года в той же рубрике выходит статья «Похмелье» [12] о последствиях неудавшейся попытки государственного переворота против Ельцина. Состоянии после этой неудачи автор называет «похмельем».

В 1996 г. выходит статья «Последнее «ура» Горбачева» [13] о выдвижении Михаила Горбачева на пост президента России и посткоммунистической политической среде на момент написания статьи.

Следующей крупным материалом о Борисе Николаевиче Ельцине стала статья в рубрике «Письмо из...» «Война за Кремль» [14] – интервью Д. Ремника с последним главой КГБ Владимиром Крючковым.

В 1998 г. в рубрике «Комментарий» опубликована заметка «Упадок и падение» [15] о продолжающемся кризисе в России и о президенте Б. Ельцине, который уже не может управлять страной.

Построив совокупное облако слов по этим статьям, можно провести его анализ. В статьях о политической жизни России с 1991 по 2000 год описывается Кремль как «поле для битвы» различных политических сил и личностей. Слово «Ельцин» хоть и является самым употребляемым, не является абсолютно доминирующим. Личность Бориса Николаевича Ельцина упоминается практически так же часто, как и Александра Ивановича Лебеда, Александр Васильевича Коржакова, Геннадия Андреевича Зюганова.

Одним из ключевых слов являются слова: «Советский», «Партия», «Коммунист[ический]», «Сталин». Несмотря на то, что все статьи в серии были опубликованы уже после распада Советского Союза, автор статей подчеркивает коммунистическое наследие Российской Федерации, ее происхождение, психологию.

В вербальном плане в статьях «Нью-Йоркера» основной акцент делается на политическую жизнь страны, политических лидеров. Россия рассматривает-

ся как продолжение Советского союза, советская терминология довольно часто используется в статьях.

Россия, в подаче Д. Ремника, все еще находится под влиянием советского наследия: авторитарная борьба с оппозицией и инакомыслием, ограничение прав и свобод, свободы слова, и всепроникающее влияние органов государственной безопасности – это та призма, через которую подаются материалы.

Список литературы

1. Най, Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения [Электронный ресурс] / Дж. Най. – Электрон. текстовые дан. // Свободная мысль – XXI. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm.
2. Шевцова, Д. А. От публицистического образа к медиаобразу: движение научной мысли [Электронный ресурс] / Д. А. Шевцова. – Электрон. текстовые дан. // Современные проблемы науки и образования. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=>.
3. Попова, В. О. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания / В. О. Попова, Е. А. Балезина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. №2 (22). С. 88–94.
4. Русских, Л. В. Формирование политических стереотипов в СМИ / Л. В. Русских, С. В. Фомина // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. №1. С.116–117.
5. Русакова, О. Ф. «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов / О. Ф. Русакова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017. Т. 12, № 1 (161). С. 53–67.
6. Черных, А. И. Медиа и ритуалы / А. И. Черных. – М., 2013. С. 107–108
7. Антонюк Е. Ю. Эволюция образа страны в философско-культурологической парадигме / Е. Ю. Антонюк // Вестник ПАГС. 2012. №4 (33). С.121–126.
8. Пантин, В. И. Образ России на Западе: основные стереотипы и их истоки / В. И. Пантин // Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. М. 2008. С. 13–24.
9. Крюкова, О. Ю. Использование «облака слов» при работе с обществоведческой терминологией на уроках истории в начальной школе / О. Ю. Крюкова // Молодой ученый. 2014. №11.1. С. 8–10.
10. Концевой, М. Интерактивная журналистская инфографика: феномен, тенденции, инструментарий / М. Концевой // Жыццём і словам прысягаючы...: зб. нав. прац. Мінск, 2012. С. 298–307.
11. Remnick, D. Letter from Moscow / D. Remnick // The New Yorker. 1992. № 9. P. 65–87.
12. Remnick, D. The Hangover / D. Remnick // The New Yorker. 1993. № 44. P. 51–65.

13. Remnick, D. The Gorbachev's Last Hurrah / D. Remnick // The New Yorker. 1996. № 8. P. 68–83.
14. Remnick, D. The War for Kremlin / D. Remnick // The New Yorker. 1996. №25. P. 40–57.
15. Remnick, D. Decline and Fall / D. Remnick // The New Yorker. 1998. № 27. P. 6–7.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ НЭПА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

**Жайбалиева Л.Т., кандидат исторических наук
Оренбургский государственный университет**

В 1920-е годы вопрос взаимоотношений с крестьянством для руководства страны был, прежде всего, вопросом о власти, судьба которой зависела от того, удастся ли сделать крестьянство союзником или, по крайней мере, нейтрализовать его политические претензии. Необходим был комплекс мер политического и экономического характера, определенные уступки и компромиссы с крестьянством, чем и стала новая экономическая политика.

Исторически сложилось, что разрыв между интересами государства и крестьянства был особенно значительным. Крестьянство в наибольшей степени испытало на себе противоречия реформ. Обычно деревня становилась материальной базой преобразований в стране. Закономерностью являлось то, что собственными проблемами села уходило на второй план. Во взаимоотношениях с крестьянством руководство страны использовало, прежде всего, убеждение и принуждение, в меньшей степени материальный интерес. Важнейшим состоянием, психологическим фоном многих реформ являлось относительное противостояние власти и крестьянства.

Политическая позиция крестьянства проявлялась в различных формах – борьба за влияние на местные органы управления, активная поддержка и критика мероприятий государства в отношении деревни, противостояние власти. Основная часть крестьянства принимала позицию молчаливого, пассивного согласия проводимых мероприятий. При этом ставились под сомнение полномочия как местных властей, так и центральных органов. Такое восприятие крестьянами власти демонстрируют документы 1920-х годов, периода новой экономической политики. Любое действие властей воспринимается как очередное вмешательство в сельский уклад и не исключает репрессивных действий. Крестьянство заявляло, что советская власть не стремится облегчить участь крестьян, разделяет его на «...отдельные прослойки»; налог распределяется неверно, поскольку должен всеми выплачиваться поровну [1, л. 3 об.]; хозяйство республики так и не восстановлено [2, л. 1]; коммунисты разорили Россию [3, л. 75].

В годы нэпа особенно отчетливо проявилось характерное для крестьянства представление о справедливых и несправедливых действиях властей. Сравнивая свое положение с положением в дореволюционное время и с положением рабочих в 1920-е годы, крестьяне утверждали, что оно неизменно хуже, особенно в материальном плане. На всех собраниях выступавшие говорили о высоких налогах, значительной разнице цен на промышленную продукцию и продукцию сельского хозяйства [1, л. 3 об.]. К негативным приметам новой власти относили и ограниченные возможности для культурного развития крестьян.

После лишений и невзгод, которые перенесли крестьяне в годы революции и гражданской войны они были вправе, как им представлялось, на совершенно иное отношение власти к себе, не то, какое было при царизме. О росте самосознания крестьянства свидетельствуют архивные материалы, крестьянские письма. Им нужны были равноправные отношения двух союзников. Крестьяне настоятельно заявляли о себе как о главной производительной силе страны. Требовали установления равных прав с рабочими и властью [1, л. 4 об.].

Эти настроения подтверждаются сводками информотдела ОГПУ о политическом настроении крестьян, которые утверждали, что в результате непродуманной налоговой политики, крестьяне голодают, а советские служащие и рабочие живут хорошо [5, л. 107]; рабочим назначили хорошее жалованье, а товары крестьянам отпускаются по дорогой цене [3, л. 68]; кооперация хочет крестьянам помочь, но власть не помогает [3, л. 135].

К концу 1924 года стало ясно, что прежними методами деревню не поднять, следовательно, и не упрочить экономическую базу государства. Дальнейшее развитие становилось возможным только путем предоставления крестьянству большей экономической свободы. Возник «новый курс» в отношении деревни, получивший официальное название «Лицом к деревне». Его составными частями являлись работа по оживлению советов, создание беспартийного крестьянского актива, укрепление авторитета власти в глазах крестьян.

Реализация курса с самого начала натолкнулась на ряд сложностей, которые в конечном итоге так и не удалось преодолеть. Многие организации проявляли упорство, считая, что «новый курс» очередной лозунг и действовали по старинке, методами нажима и приказа. Коммунистов не устраивала, прежде всего, утрата влияния и части власти на селе. Не имея возможности открыто саботировать новую политику, они не проявляли особого старания в ее проведении, надеясь на отказ от нее.

Отношение самих крестьян к новой политике было неоднозначным. С самого начала высказывались сомнения в искренности власти. Информотделом ОГПУ в 1925 году, характеризуя настроение крестьян, сообщалось, что в связи с лозунгом «Лицом к деревне», крестьяне говорят: «Советская власть не сама повернулась лицом к нам, а ее повернул Запад» [5, л. 107].

Политику развязывания хозяйственной инициативы в деревне бедняки расценивали как хорошее начинание только для зажиточных. Середняков беспокоило отсутствие четких критериев определения зажиточных и кулацких хозяйств. Они требовали полной ясности в этом вопросе, поскольку стремились к укреплению своего хозяйства, но не хотели попасть в «кулаки». Зажиточная часть деревни расценивала новую политику как отступление партии и стремилась укрепить свое положение, принять участие в органах местной власти.

Не оправдалась надежда, что вновь избранные сельсоветы станут защитниками интересов крестьян. Основными недостатками в их работе назывались отсутствие массовой работы среди населения, слабое руководство обществен-

ными организациями на селе, отсутствие активности у членов совета [1, л. 4 об.].

Оренбургский губисполком также сообщал, что отношение населения к коммунистам было самое разнообразное в зависимости от авторитетности отдельных партийцев [1, л. 3 об.]. На практике отношение крестьян к коммунистам было в основном негативным и на это были серьезные основания. Крестьяне видели в коммунистах силу, которая диктует им условия жизни, требует, изымает. Зажиточные крестьяне до перевыборов агитировали против выборов в советы коммунистов, говоря, что лозунг «Лицом к деревне» означает отстранение коммунистов от власти [4, л. 93].

Требования политических прав первоначально сводились к лозунгу дать одинаковые избирательные права, а с середины 20-х годов – к идее создания Крестьянского союза, защищающего экономические интересы крестьян [1, л. 10 об.]. Предполагалось его создание по аналогии с рабочими профессиональными союзами [4, л. 46]. По мнению крестьян благодаря союзам они смогут добиться своих прав [3, л. 126].

Из опыта взаимоотношений с властью крестьянство вынесло главный вывод: для того, чтобы отстоять свои интересы, крестьянство должно само стремиться участвовать во власти. При этом его участие возможно и эффективно в том случае, если оно выступает как хорошо организованная сплоченная сила.

Таким образом, взаимоотношения крестьянства и властных структур определились как ключевая проблема новой экономической политики. В последующее десятилетие они оставались важнейшим фактором, определявшим экономическое и социально-политическое развитие страны.

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073.
2. ГАОО. Ф. 636. Оп. 3. Д. 4.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 18.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 190.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

**Злобин Ю.П., кандидат исторических наук, доцент
Оренбургский государственный университет**

Сформировавшийся в Российской империи в XVIII веке тип государства, его внутренняя структура и механизм функционирования определили систему регионального управления, опиравшуюся на отчетливо выраженную властную вертикаль, возглавляемую губернаторами. Включая в состав страны новые территории, центральные власти стремились сформировать такой аппарат управления ими, который был способен обеспечить эффективный контроль над новыми подданными, надежную охрану внешних границ и в перспективе инкорпорировать пограничные регионы в общеимперскую систему управления. Этим целям лучше всего соответствовала модель военного управления периферийными территориями [1].

К началу второй четверти XVIII века юго-восточная граница Российской империи пролегла южнее городов Самары и Уфы. Причиной ее перемещения на юг к берегам реки Яик (Урал) в его среднем течении стали настоятельные просьбы ханов казахских жузов Абулхайра (Младший жуз), Семеке и Абулмамбета (Средний жуз) о принятии их вместе с соплеменниками в подданство России. Русское правительство, удовлетворив в 1731–1740 годах их желание о протекторате, взяло на себя обязательство защиты новых подданных [1]. Это, в свою очередь, привело к образованию на юго-востоке страны новой административной единицы – Оренбургской губернии.

Ее появлению предшествовало основание центра управления будущей губернией – города Оренбурга. Решение об его строительстве было принято 1 мая 1734 года и оформлено резолюцией императрицы Анны Иоановны на проект обер-секретаря Сената И. К. Кирилова. Автор проекта аргументировано доказывал необходимость и целесообразность строительства города-крепости на юго-восточных рубежах страны. Резолюция императрицы была лаконичной и категоричной: «...Городу при устье Орь-реки строить и дать ему имя впредь...». Через месяц 7 июня 1734 года в другом ее указе будущий город получил наименование: «Сему городу, с Богом, вновь построенному, именоваться Оренбург, и во всяких случаях называть и писать сим от Нас данным именем...». В нем Анна Иоановна жаловала жителей будущего города целым рядом привилегий: освобождением на три года от государственных налогов, бесплатным предоставлением городской земли под дворы, кладовые, амбары, лавки, выдачей на 10 лет беспроцентных денежных ссуд для строительства жилья, помощью строительными материалами за счет казны и др. И. К. Кирилов был назначен начальником «Известной» экспедиции, переименованной 10 мая 1737 года в «Оренбургскую». Предложения, изложенные в его проекте, стали осно-

вой новой, более активной и наступательной политики России на ее юго-восточных рубежах. В штат экспедиции было включено 130 человек: офицеров, инженеров-фортификаторов, геодезистов, медиков, ученых, священников и канцелярских служащих. Ей были приданы значительная по тому времени воинская сила, состоявшая из регулярных и иррегулярных войск. Усилиями экспедиции поручение императрицы было выполнено. 31 августа 1735 года у слияния рек Яик и Орь был основан город Оренбург [9].

Выбор места закладки города-крепости, проведенный И. К. Кириловым и его сподвижниками, оказался неудачным. За период деятельности Оренбургской экспедиции (1734–1744) Оренбург дважды менял свое местонахождение. Новая правительница России – императрица Елизавета Петровна – своим указом от 15 октября 1742 года предписала перенести строительство города на современное место в район Бердской крепости. Здесь он был заложен официально 19 апреля 1743 года у слияния рек Яик и Сакмара. Сменявшие друг друга руководители Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов, В. Н. Татищев, В. А. Урусов, Л. Я. Соймонов, И. И. Неплюев превратились в главных администраторов обширного края. Они стали именоваться не начальниками, а командирами экспедиции. Им подчинялись не только гражданские чиновники, но и все регулярные и иррегулярные (казацьи) войска между реками Волга и Иртыш. Они развернули строительство крепостей и других укреплений на формировавшейся Оренбургской пограничной линии, поддерживали постоянные отношения с ханами казахских жузов [9].

15 марта 1744 года резолюцией Елизаветы Петровны на проект И. И. Неплюева была учреждена Оренбургская губерния с административным центром в Оренбурге. В именном указе Сената, утвержденном императрицей в тот же день, говорилось: «Ея Императорское Величество... за собственноручным подписанием на učinенном от Правительствующего Сената докладе, Всемилоостивейше указать соизволила, быть в Оренбурге Губернии, и именоваться Оренбургская Губерния, и в ней быть Губернатором Тайному Советнику Неплюеву...». В состав губернии вошли Оренбургская, Исетская и Уфимская провинции, управляемые воеводами, крепости по рекам Яику, Самаре и Сакмаре. Помимо управления губернией И. И. Неплюеву предписывалось «ведать и киргизский народ, и тамошние пограничные дела...» [7]. По данным II-ой ревизии численности жителей империи, проведенной в 1744 году, мужское население губернии составило в год ее основания 140662 души [5].

Формируя аппарат управления Оренбургской губернией, правительство приняло во внимание, с одной стороны, обширность ее территории, невысокую плотность населения, его полиэтничность и многоконфессиональность, а с другой – ее пограничное расположение. Поэтому губернатору были вменены в обязанности функции по гражданскому, военному, таможенному и пограничному управлению краем. 31 августа 1773 года указом Сената из Казанской губернии в Оренбургскую губернию был передан город Самара «с его жителями и питейными и соляными сборами». В итоге, площадь губернии составила 1 млн. 525 тыс. кв. километров [2]. На ней, по данным IV ревизии (1782 год), прожи-

вало население в количестве 300096 душ мужского пола [5]. Первыми ее губернаторами были тайный советник И. И. Неплюев (1744–1758), генерал-майор А. Р. Давыдов (1759–1763), действительный статский советник Д. В. Волков (1763–1764), генерал-майор А. А. Путятин (1764–1768), генерал-поручик И. А. Рейнсдорп (1768–1781) [7].

Повстанческое движение под руководством Е. И. Пугачева, развернувшееся на территории Оренбургской губернии в 1773–1775 годах, показало слабую эффективность системы регионального управления, сложившейся в империи. Поэтому после его подавления императрица Екатерина II начала проведение губернской реформы, имея целью укрепление вертикали власти. В основу реформы 1775 года были положены следующие принципы: 1) отделение административной и судебной власти друг от друга; 2) точное определение сферы компетенции каждого административного органа, правил его деятельности и средств исполнения; 3) увеличение числа губерний и количественное равенство жителей, проживавших в каждой из них. Россия была разделена на губернии с числом жителей от 300 до 400 тыс. душ обоего пола. Они делились на области, имевшие в своем составе уезды по 20–30 тыс. жителей в каждом [4].

В ходе реализации реформы в ее первоначальный план были внесены коррективы. В целях усиления надзора над средним звеном управления со стороны центра было решено учредить наместничества, состоявшие из нескольких губерний и подчинявшиеся наместникам (генерал-губернаторам). Полномочия каждого из них определялись императрицей, либо по ее поручению правительством. Такая система взаимоотношений столичной и региональной власти обеспечивала более надежную связь между разными звеньями аппарата государственного управления. В 1781 году было составлено новое расписание, разделившее империю на 40 губерний. Они должны были стать основой для 20 наместничеств во главе с наместниками (генерал-губернаторами) [4]. Изменившийся порядок управления позволил усилить надзор над положением дел в губерниях, не прибегая к значительному увеличению штатов.

Административная реформа привела к временной утрате Оренбургской губернией своего губернского статуса. 23 декабря 1781 года императрицей был подписан указ «Об учреждении Уфимского наместничества из двух областей Уфимской и Оренбургской и о разделении оных на уезды». Он был адресован оренбургскому губернатору генералу-поручику И. В. Якоби, который возводился в должность симбирского и уфимского генерал-губернатора. Ему предписывалось образовать наместничество из двух областей – Оренбургской и Уфимской, разделив его территорию на 12 уездов. Указ определил срок открытия наместничества в апреле 1782 года. Его столицей стал не Оренбург, а город Уфа, занимавший на территории этого административного образования более выгодное центральное положение. Оно позволяло наместнику оперативно связываться с отдаленными уездами [7].

В результате административной реформы Екатерины II органы управления Оренбургским краем превратились в более централизованную и внутренне организованную структуру. На вершине властной пирамиды находился гене-

рал-губернатор (наместник) в чине генерала-поручика. Ему полагалось жалование в размере 6 тыс. рублей в год и 500 рублей столовых денег. Генерал-губернатор имел свою канцелярию, которая вела переписку по всем вопросам, связанным с управлением краем. Ему полагался конвой из 24 кавалеристов во главе с подпоручиком и свита по одному молодому дворянину от каждого уезда. Он осуществлял надзор над работой гражданских администраций в областях и уездах, а так же местных судов с правом вмешательства в их деятельность. Генерал-губернатору подчинялись полицейские органы и воинские формирования, расквартированные на территории наместничества [4]. В период правления Екатерины II должность уфимского и симбирского генерал-губернатора исполняли генералы И. В. Якоби (1781–1782), А. И. Апухтин (1782–1784), О. А. Игельстром (1784–1792), А. А. Пеутлинг (1792–1793), В. Х фон Дерфельден (1793–1794), С. К. Вязьмитинов (1794–1796) [7].

Приход на престол императора Павла I привел к очередной административной реформе, изменившей структуру местного управления в регионе. 12 декабря 1796 года его указом «О новом разделении Государства на Губернии» Уфимское наместничество было упразднено. На его территории была вновь образована Оренбургская губерния, управление которой вверялось военному губернатору. Другим указом Павла I от 25 марта 1797 года административным центром губернии вновь был определен город Оренбург [7].

Однако сосредоточение всех управленческих структур в южной части обширного по территории региона, которым была Оренбургская губерния на рубеже XVIII – XIX веков, создало трудности в их повседневной деятельности. Административный центр губернии был снова перемещен в Уфу. Указ Сената, утвержденный 5 марта 1802 года императором Александром I, прямо указывал на причину перемещения: «По неудобности городу Оренбургу быть губернским городом, перевести из онаго губернское управление в Уфу» [8]. Большинство учреждений гражданского управления возвратились в Уфу, но резиденция военного губернатора и подчиненные ему учреждения военного и таможенного ведомств остались в Оренбурге. Поскольку одной из главных его обязанностей был надзор над положением дел на Оренбургской пограничной линии, протянувшейся от Гурьева на западе до реки Тобол на востоке [2]. Подобная ситуация, когда губерния имела два центра управления: гражданский административный – в Уфе и военно-административный – в Оренбурге, сохранялась до кардинальной перекройки ее территории и границ в 1865 году.

С 1796 по 1851 год губерния находилась под управлением оренбургских военных губернаторов генералов О. А. Игельстрёма (1796–1798), повторно оказавшегося в роли руководителя ее администрации, Н. Н. Бахметьева (1798–1802), Г. С. Волконского (1803–1817), П. К. Эссена (1817–1830), П. С. Сухтелева (1830–1833), В. А. Перовского (1833–1842), В. А. Обручева (1842–1851) [7]. Им в помощь была определена должность гражданского губернатора (или вице-губернатора) с резиденцией в Уфе. Военным губернаторам подчинялись регулярные и казачьи войска, местные полицейские формирования, они осуществляли надзор над деятельностью гражданской администрации, возглавляемой

вице-губернаторами из числа гражданских чиновников. Их собственная практическая деятельность находилась под контролем Военного министерства. Военный и гражданский губернаторы имели собственные канцелярии со штатом чиновников по особым поручениям и канцелярских служащих [8].

В 1804–1851 годах губерния была поделена в административном отношении на 12 уездов: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский, Уфимский, Стерлитамакский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бузулукский, Белебеевский и Бугурусланский. Главой каждого уезда был капитан-исправник, избираемый местными дворянами и утверждаемый в Петербурге по представлению военного губернатора [8]. В этот период территория губернии несколько увеличилась за счет включения в 1811 году Ново-Илекского района в междуречье Урала, Бердянки и Илека и Ново-Линейного района в 1838 году восточнее Орска. К середине XIX века площадь губернии составляла 390186 кв. километров. По обширности пространств губерния была на третьем месте среди 49 губерний Европейской России [2].

За первую половину XIX века наблюдался интенсивный рост населения Оренбургской губернии в результате естественного прироста, правительственной, помещичьей и стихийной крестьянской колонизации. Ее население увеличилось до 2 млн. 130 тыс. душ обоего пола, или в 2,8 раза [11]. Одновременно выросла доля русских жителей с 41% в 1795 году до 53,1% в 1850 году [8]. Обширные пространства губернии и приток населения в ее северо-западную часть побудили правительство принять меры к формированию за счет ее территории новых административных образований. 6 декабря 1850 года последовал указ императора Николая I об образовании с 1 января 1851 года новой Самарской губернии путем объединения отдельных уездов соседних губерний. В ее состав было предписано передать три уезда Оренбургской губернии: Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский [3].

В целях укрепления властной вертикали на юго-востоке страны и успешного осуществления административных преобразований 20 марта 1851 года было учреждено Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство. В его состав вошли Оренбургская и Самарская губернии, возглавляемые гражданскими губернаторами, и западная часть современного Казахстана, представленная Зауральской (Малой) Ордой и Внутренней Букеевской Ордой. По численности жителей обе губернии были примерно равны, но Оренбургская губерния по своей территории в 3,5 раза превышала Самарскую губернию. Первым генерал-губернатором стал генерал В. А. Перовский, служивший в 1833–1842 годах в этом регионе военным губернатором. В обязанности генерал-губернатору были вменены функции по военному, гражданскому и пограничному управлению краем. Одновременно он являлся проводником внешней политики России по отношению к ее юго-восточным соседям. В. А. Перовский завершил формирование губернской администрации в Самаре. После этого генерал-губернатор сосредоточился на защите населения казахских жузов от набегов кокандцев. Он перенес Оренбургскую пограничную линию на правый берег реки Сырдарьи, переименовав ее в Сырдарьинскую пограничную линию [3, 10].

Ушедшего в отставку в 1857 году В. А. Перовского сменили на посту генерал-губернатора генералы А. А. Катенин (1857–1860), а затем А. П. Безак (1860–1865). Ссылаясь на трудности в управлении обширной Оренбургской губернией, они поставили перед правительством вопрос о ее разделении на две губернии. Проект А. А. Катенина не получил поддержки в Петербурге, но А. П. Безак сумел убедить в необходимости новой административной реформы на Южном Урале и столичных чиновников, и императора Александра II. В мае 1865 года губерния была разделена в соответствии с проектом А. П. Безака на Оренбургскую и Уфимскую губернии, а Самарскую губернию вывели из состава генерал-губернаторства, получившего после этого наименование «Оренбургское» [3].

Указ Александра II разделил Оренбургскую губернию на две губернии по хребту Уральских гор. В ее северо-западной и северной части была образована Уфимская губерния, состоявшая из шести уездов: Уфимского, Стерлитамакского, Белебеевского, Бирского, Мензелинского и Златоустовского, выделенного из Троицкого уезда. Ее южная и восточная части составили Оренбургскую губернию из пяти уездов: Оренбургского, Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского и Орского. Главное управление над обеими губерниями было оставлено за оренбургским генерал-губернатором [3]. Им стал генерал Н. А. Крыжановский (1865–1881) [7]. В результате новой административной реформы территория губернии уменьшилась более чем наполовину и составили 185340 кв. километров, а ее население стало насчитывать 843533 человека [2]. В каждой из губерний были сформированы собственные органы управления, представленные гражданскими губернаторами, губернскими правлениями и рядом губернских присутствий и комитетов.

Сложное финансовое положение империи на рубеже 70–80-х годов XIX века вынудило правительство заняться экономией государственных средств. В результате переписки между военным министром П. С. Ванновским, начальником Главного штаба Н. Н. Обручевым и министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым было принято решение о передаче губерний и областей Оренбургского генерал-губернаторства из подчинения военному министру в ведение Министерства внутренних дел. Эта идея была одобрена новым императором Александром III, который своим указом от 11 июля 1881 года упразднил это генерал-губернаторство. Гражданские губернаторы Оренбургской и Уфимской губерний стали подчиняться министру внутренних дел, а возглавляемые ими административные образования были включены в военном отношении в состав Казанского военного округа [3].

В 1881–1917 годах Оренбургская губерния не претерпела значительных территориальных изменений. Было сохранено ее прежнее деление на 5 уездов. Но с точки зрения внутренней организации местного управления она была фактически поделена на две неравных части: меньшую – казачью (территория Оренбургского казачьего войска) и большую – гражданскую. Эта особенность губернии постоянно учитывалась правительством при подборе руководителей губернской администрации, которые должны были выполнять одновременно

обязанности и гражданского губернатора, и наказного атамана Оренбургского казачьего войска. В указанный период на пост губернатора назначались только военные в генеральском чине, много лет прослужившие в армии и имевшие боевой опыт: М. И. Астафьев (1881–1884), Н. А. Маслаковец (1884–1891), В. И. Ершов (1892–1899), Я. Ф. Барабаш (1899–1906), Ф. Ф. фон Таубе (1906), В. Ф. Ожаровский (1906–1911), Н. А. Сухомлинов (1911–1915), М. С. Тюлин (1915–1917) [7]. В их подчинении находились вице-губернаторы из числа гражданских чиновников, губернское правление и целый ряд губернских учреждений (присутствий, комитетов, комиссий и т.п.).

За 1865–1913 годы население губернии выросло с 843533 до 2276163 человек, или в 2,7 раза. Плотность жителей составила 13,7 человека на 1 кв. версту. Это обстоятельство побудило правительство Николая II ввести в губернии с 1 января 1913 года выборные земские органы самоуправления [2]. Губерния стала полностью соответствовать основному типу административно-территориальных образований, который сложился в Российской империи во второй половине XIX века.

Должности губернатора и вице-губернатора в Оренбургской губернии были упразднены Временным правительством 6 марта 1917 года и заменены комиссарами этого правительства. Губерния как самостоятельная административная единица просуществовала до 14 мая 1928 года, когда Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР она была преобразована в Оренбургский округ, который вошел в состав Средне-Волжской области.

Таким образом, появление на карте России Оренбургской губернии было продиктовано не столько экономическими потребностями (увеличение числа налогоплательщиков, хозяйственное освоение природных богатств), сколько геополитическими интересами государства (обеспечение протектората над новыми поданными – казахами, надежная охрана собственной границы). В традициях середины XVIII века губерния оформилась как значительное по территории административное образование, границы которого простирались от Волги на западе до Тобола на востоке. Оренбургская губерния, активно колонизовавшаяся с момента своего образования, сыграла значительную роль, как в административном обустройстве обширного региона, так и в расширении границы империи. В 1851–1865 годах за счет ее территории были образованы три губернии (Самарская, Уфимская и Оренбургская).

Пограничный характер губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX века определил формирование на ее территории особой модели военного управления, отличной от центральных губерний Европейской России. Ее специфика проявилась в одновременном существовании и совместном функционировании военной и гражданской ветвей власти, либо сосредоточенных в руках одного лица (губернатора), либо разделенных верховной властью так, что вторая из них, представленная гражданскими губернаторами, находилась в постоянной зависимости от первой власти в лице наместников, военных губернаторов, генерал-губернаторов.

Утрата Оренбургской губернией пограничного положения и административная реформа 1865 года, значительно сократившая ее территорию, поставили ее в один ряд с большинством губерний России по таким показателям как занимаемое пространство, численность жителей, структура местного управления. Упразднение Оренбургского генерал-губернаторства и перевод губернских учреждений из ведения Военного министерства в подчинение Министерству внутренних дел привели к окончательному встраиванию губернии в общероссийскую систему регионального управления.

Список литературы

1. Агаджанов, С. Г. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. [Текст]: монография / С. Г. Агаджанов, Ш. Ф. Мухамедьяров, В. В. Трепавлов и др.; Ин-т Рос. истории РАН. – Москва: Славянский диалог, 1997. – 415 с. Авторы указаны на обороте тит. листа.

2. Балыков, О. Ф. О границах и территориальном составе Оренбургского края с 1744 по 1917 год [Текст] / О. Ф. Балыков, А. Д. Сергеев // Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII – начала XX вв: материалы региональной научной конференции. – Свердловск, 1983. – С. 90–92.

3. Злобин, Ю. П. Оренбургское и Самарское (Оренбургское) генерал-губернаторство в 50–70-х годах XIX века [Текст] / Ю. П. Злобин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2015. – Т. 17. – № 3. – С. 54–59.

4. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: [Текст]: монография: в 2 т. / Ред. В. В. Черкесов; Представительство Президента РФ в Сев.-Зап. федер. округе, СПб. гос. ун-т. Юридич. фак-т., Федеральная архивная служба России, Рос. гос. ист. арх. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001 – Т. 1. – 2001. – 452 с.

5. Кабузан, В. М. Изменения в размещении населения Российской империи в XVIII – первой половине XIX века. (По материалам ревизий) [Текст]: монография / В. М. Кабузан / АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва: Наука, 1971. – 190 с.

6. Кабузан, В. М. Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав [Текст]: монография / В. М. Кабузан / Российская АН, Ин-т российской истории. – Москва: Наука, 1992. – 216 с.

7. Семенов, В. Г. Губернаторы Оренбургского края [Текст]: сборник очерков / В. Г. Семенов, В. П. Семенова. – Оренбург: ООО «Оренбургское кн. изд-во имени Г. П. Донковцева», 2014. – 448 с.

8. Семенова, Н. Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX в. [Текст]: монография / Н. Л. Семенова; М-во образования Рос. Федерации. Ин-т истории, яз. и лит. Уфим. науч. центра Рос. акад. Наук. Стерлитамак. гос. пед. ин-т. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2001. – 195 с.

9. Смирнов, Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века [Текст]: монография / Ю. Н. Смирнов. – Самара: изд-во «Самарский университет», 1997. – 190 с.

10. Халфин, Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века) [Текст]: монография / Н. А. Халфин / АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва: Наука, 1974. – 406 с.

11. Черемшанский, В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях [Текст]: монография / В. М. Черемшанский. – Уфа: типография Оренбургского губернского правления, 1859. – 472 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ОРСКО-ХАЛИЛОВСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА: 1939-1945 ГОДЫ

Искаков В. В., магистрант
Оренбургский государственный университет

Строительство Орско-Халиловского металлургического комбината (ОХМК) было начато Орским трестом «Южуралтяжстрой» [1, л.17]. Активное строительство началось в конце 30-х годов XX века. 22 октября 1936 года приказом Г.К. Орджоникидзе был создан трест «Орскхалилстрой» во главе с управляющим Сергеем Мироновичем Франкфуртом [1, л.18]. 19 мая 1939 года Народным комиссаром черной металлургии был издан приказ № 296 о назначении комиссии для выбора площадки под строительство ОХМК. Чтобы решить окончательный вопрос с площадкой и подтвердить данные по геологоразведочным работам, весь 1938 год в Халилово работала центральная геологическая экспедиция во главе с академиком А.Е. Ферсманом. Вопрос с площадкой решали дольше, но в итоге победило предложение первооткрывателя месторождения – И.Л. Рудницкого, о строительстве будущего комбината на правом берегу реки Урал, между Орском и Халилово. Начало организации комбината формально считается с 1 декабря 1939 года. К этой дате было выделено финансирование, утвержден титульный список строительных объектов и назначен руководящий состав для организации и проведения необходимых работ. Приказом НКЧМ СССР № 722 от 10 декабря 1939 года была организована Дирекция будущего металлургического комбината. В 1940 году Дирекцией ОХМК на Новотроицкой площадке были организованы следующие подсобные предприятия: карьер конгломерата, песчаный карьер, известковое хозяйство, карьер бутового камня, лесопильное производство электрослесарное хозяйство [1, л. 20].

Рядом со строящимся комбинатом оказался никому неизвестный, находящийся на полпути между городом Орском и станцией Халилово поселок Ново-Троицк в 200 дворов. В 1941 году он был передан из подчинения Халиловского района Орскому городскому Совету, то есть из сельского стал рабочим. В 1943 году поселок Ново-Троицк стал районным центром. А 13 апреля 1945 года райцентру Ново-Троицк был присвоен статус города.

В начале 1940 года под руководством главного инженера «Ленгипромеца» Б.В. Кириллова было составлено комплексное проектное задание по строительству металлургического комбината, которое 22 марта 1940 года утвердила коллегия Народного комиссариата черной металлургии. Проект ленинградского института предусматривал возведение следующих объектов: коксохимический завод (4 батареи из 59 печей), доменный цех из 4 печей, дуплекс-цех в составе 3-х 30-тонных конвертеров и 7 стационарных мартеновских печей, прокатный цех в составе блюминга, крупносортовый стан «800», полунепрерывный шахматный стан «350» и листовой стан «2350».

В число рудных предприятий комбината по проекту включались Аккермановский железохромоникелевый и Новокиевский рудники, по флюсам – Ак-

кермановское известняковое месторождение, Кумакское месторождение огнеупорной глины, Блявинское или Алимбетовское месторождение кварцитов [2, л. 51].

Было выбрано место для строительства водохранилища – в 65 км от Орска, в каменистой теснине, ниже впадения речки Ириклы в Урал. Сооружение Ириклинской плотины могло создать условия для регулирования стока Урала. Это снимала проблему водоснабжения Орско-Халиловского промышленного района, позволяло попутно осуществить ирригацию засушливых районов области, а также постройку ГЭС мощностью 40-50 МВт [2, л. 2].

На первых порах новое предприятие официально называли по рудному месторождению «Халиловским металлургическим заводом», «Халиловским металлургическим комбинатом». Затем будущее предприятие получило наименование «Орско-Халиловский металлургический комбинат» (ОХМК), хотя он был основан не в Халилове и не в Орске, а между ними.

Открыли карьеры по добыче бутового камня, конгломерата, песка, создали известковое хозяйство, лесопильное производство и электрослесарную мастерскую. В 1941 году комбинат стал именоваться Орско-Халиловским металлургическим комбинатом. 8 июля 1941 года по решению Государственного Комитета Обороны была создана Особая строительно-монтажная часть № 23 (ОСМЧ-23) для строительства объектов Орско-Халиловского металлургического комбината [2, л. 4].

Летом 1942 года началось сооружение первых цехов будущего металлургического комбината. Строители заложили фундаменты огнеупорного завода, фасонно-литейного и механического цехов, приступили к сооружению подсобных объектов на доменном цехе и коксохимическом заводе. На стройке не хватало людей, материалов, оборудования. Но она все-таки шла и постепенно выбиралась из нулевого цикла [2, л. 18].

Рисунок 1 — строительство комбината в 1940-х годах

В декабре 1941 года на стройке появился первый директор Орско-Халиловского металлургического комбината. Им был назначен Иуда Лазаревич Малкин. Однако уже спустя 3 месяца его перевели заместителем начальника ГУМП Юга и Центра по капитальному строительству. Директором ОХМК становится Григорий Давыдович Сапрыкин. Перед коллективом строившегося ОХМК поставлена задача – дать металлургам Урала марганцевую руду, месторождение которой было открыто в 11 км от строительной площадки комбината. Когда началась Великая отечественная война, главный поставщик марганца – Никопольский бассейн – был захвачен фашистами, марганец приходилось доставлять на Урал невероятно длинным кружным путем [2, л. 18].

Аккермановский рудник работал с удвоенной силой. Отгрузка руды шла день и ночь. За самоотверженную работу в годы войны лучший экскаваторщик И. Баданов был награжден орденом Ленина. Беспрецедентной выносливостью в работе отличались П. Прохоров, М. Стрельцов, Д. Нестеров [2, л. 20].

Марганцевый рудник был важнейший объект на Орско-Халиловском металлургическом комбинате. Он располагался в нескольких километрах от города Орска. Из краткой геологической характеристики рудника следовало, что Аккермановское месторождение по содержанию марганца относится к разряду бедных месторождений и являлось сложным по залеганию [2, л. 34].

Работы на всех участках рудника велись круглосуточно. Это было важно, так как Кумак обеспечивал бесперебойную работу шамотного завода. Лозунг: «**Все для фронта, все для победы!**» воодушевлял людей, и они делали, казалось, невозможное. Время сохранило имена лучших работников рудника в те далекие дни: забойщиков И.И. Лобкова, Н.Ф. Тищенко, И.Ф. Рыжайкина, П.С. Большова, бурильщиков П.А. Ерменюка, А.Т. Зимнякова, В.П. Антонова и других [2, л. 45].

Строительство шамотного завода по производству огнеупорных изделий началось в 1942 году. Действовавшие и вновь строившиеся предприятия в тылу страны остро нуждались в огнеупорах, производство которых резко сократилось после захвата фашистами промышленных районов Украины. Шамотный завод стал первым крупным промышленным объектом на огромной площади комбината. Сооружение шамотного завода, а затем и его работа находились под личным контролем члена Государственного Комитета Обороны, Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова.

К 1944 году структура комбината оформилась окончательно. Он состоял из следующих цехов и хозяйств. Основные цеха: 1) шамотный с производством обожженного кирпича; 2) рудник Кумак по добыче огнеупорных глин; 3) Новокиевский железный рудник; 4) Аккермановский марганцевый рудник. Вспомогательные цеха: 1) ремонтно-механический, 2) ремонтно-строительный; 3) электроснабжения и связи; 4) паросиловой; 5) модельный. Транспортные цеха: 1) железнодорожный; 2) автогужтранспортный. Жилищно-коммунальное хозяйство с бытовыми материалами. [3, л. 2].

Таблица 1 – Численность кадров Орско-Халиловского комбината [3, л. 2]:

№ п/п	Категории трудящихся	Их численность в 1944 году	Их численность в 1945 году
1	Рабочие	1138	870
2	Ученики	54	40
3	Инженерно-технические рабочие	119	125
4	Служащие	89	155
5	Младший обслуживающий персонал	261	295
	Всего	1661	1487

После окончания Великой Отечественной войны Орско-Халиловский металлургический комбинат представлял собой мощный промышленный комплекс. Вместе с комбинатом и рос город: к весне 1945 года население Новотроицка превысило 40 тыс. человек. Полным ходом развернулось строительство ТЭЦ, первых коксовых батарей, завершилось сооружение фаснолитейного и кузнечного цехов. 13 апреля 1945 года был принят документ о выделении рабочих поселков Новотроицк и Аккермановка из Новотроицкого района и преобразовании их в город Новотроицк областного подчинения [4, л. 9].

Рисунок 2 — Современный вид комбината, 2019 год

Список литературы

1. Филиал Государственного Архива Оренбургской области (ГАОО) в г. Орске. Ф. 214. («Орско-Халиловский металлургический комбинат»). Оп. 1 Д. 161.
2. Филиал ГАОО в г. Орске. Ф. 214. Оп. 1 Д. 162.
3. Филиал ГАОО в г. Орске. Ф. 214. Оп.1 Д.172.
4. Филиал ГАОО в г. Орске. Ф. 214. Оп.1 Д.326.

ЗА ЧТО ПОМНИТЬ ЛИКУРГА

**Искендиоров С.Р., Ли И.К., старший преподаватель
Актюбинского регионального государственного университета
им. К. Жубанова, Актобе студент 4 курса исторического факультета**

Наверняка многие слышали о суровой жизни спартанцев. Такие моменты истории как сбрасывание болезненных новорожденных со скалы или спать на циновках из прибрежного тростника. Но мало кто знает, кто сделал Спарту таковой.

Ликург – эллинский законодатель, благодаря ему мы до сих пор помним Спарту.

Родившись, в годы упадка власти, в семье царя Эвнома, стал очевидцем его гибели от кухонного ножа, пытаясь разнять двух дерущихся. Престол перешел от отца к старшему сыну Полидекту.

Властвовал Полидект недолго, по причине окончания срока жизни. В наследство младшему брату досталась власть, и беременная вдова [1, с. 167].

Вдова же оказалась довольно хитрой и коварной. Вскоре после кончины супруга она явилась к Ликургу и сказала, что убьет своего ребенка, если только он не возьмет ее в жены – уж очень ей хотелось еще раз стать царицей. Само собой, Ликурга, как и любого человека, обладающего честью и совестью, такой поворот привел в ужас. Он подождал, пока ребенок появится на свет. И в случае рождения мальчика – объявить его царем. Так и случилось.

Сразу после рождения, мальчика принесли Ликургу, тот тогда обедал с высшими чинами. Взяв его на руки, воскликнул: “Спартанцы, у вас родился царь”. Ликург дал мальчику имя – Харилай, что означает, “радость народа”.

Таким образом, Ликург отдал трон законному наследнику, а сам стал опекуном – “продиком” [2, с. 4].

Недолгое правление было довольно успешным – для Ликурга это обернулось любовью и уважением сограждан. Однако не все относились к правителю доброжелательно, хватало и ненавистников. Во главе последних стояла отвергнутая вдова со своими приближенными. Наконец, клевета и слухи сделали свое дело. Ликург решил покинуть Родину и не возвращаться до тех пор, пока у Харилая не родится наследник.

За время своего изгнания спартанец побывал в различных краях, упоминаются Крит, Египет и Малая Азия, изучал законы и государственное устройство, чтоб применить их на Спарте, по возвращению, что вскоре и произошло.

Занявшие место Ликурга во главе Спарты не обладали выдающимися способностями к управлению, зато приписывали их ему. Это и послужило причиной к возвращению.

Перед возвращением в Спарту Ликург отправился к предсказателям будущего в Дельфы узнать, следует ли вводить изученные им на чужбине законы

(в Спарте проведение любого законодательного акта было немислимо без санкции Дельф, самого авторитетного греческого святилища).

Пифия – оракул – встретила Ликурга словами:

Вижу тебя я, Ликург, пришедшего в храм мой богатый,

Зевса любимца и всех великих богов на Олимпе.

Как мне тебя называть, я не знаю: хоть схож с человеком,

Все же тебя назову я бессмертным скорее, чем смертным [2, с. 6]

Когда же он попросил посоветовать лучшие законы, пифия ответила, что его законы наилучшие.

Обрадованный, поспешил он в родную Лаконику, но не пошел сразу в Спарту, а, остановившись вблизи города, выпросил, кто из граждан согласится поддержать его начинание. Такие люди нашлись. В их окружении Ликург и вышел на площадь всенародных собраний. Здесь он огласил законы, которые должны были изменить жизнь спартанцев.

Первое: страной будут править два царя. Им доверялось быть главнокомандующими во время войны, совершать жертвоприношения богам, вести дипломатические переговоры с чужеземцами и выносить окончательные приговоры во время суда.

Цари входили в высший Совет старейшин – герусия. Герусия состояла из 30 человек (геронтов). Совет стал противовесом царской власти, и имел равные с нею правом голоса при решении важнейших дел, таким образом, Совет стал залогом благополучия и защиты от тирании. При этом Совет также оказывал сопротивление демократии.

Что касается численности, то таково было изначальное количество сторонников Ликурга, два из которых вскоре покинули дело, испугавшись.

Но это только первый Совет, в дальнейшем за каждое место проходили выборы. Требованием к кандидатам служил возраст не менее 60 лет, и быть представителем влиятельного рода [4, с. 111].

Второе: национализировалась земля, все наделы отбирались у граждан и становились собственностью государства. Затем каждому выдавали равный кусок. Таким образом, законодатель решил уничтожить деление на бедных и богатых. Однако это преобразование привело к всеобщей нищете.

Еще одним нововведением, которое послужило росту нищеты – это вывод из оборота золотых и серебряных монет. Отныне все монеты были из железа большого веса и размера. Казалось бы, хорошая идея: теперь уже не имело смысла копить куски дешевого металла, да и, чтобы украсть их и тайно вывезти, потребовалась бы не одна телега. Нельзя было, и вывезти такие деньги за пределы Спарты и обменять на золото. Теряли всякий смысл взятки. На деле же все кончилось, что торговцы больше не привозили сюда товар, раз здесь не было золота. В Лаконике исчезли ораторы, поэты, театры, а с ними всякая роскошь и искусство. Довольно быстро здесь все стали бедными.

Третье: вводилась единая система общественного питания. Эта система включала в себя круг обычаев, официальных запретов и предписаний, опреде-

лявших повседневную жизнь каждого спартанца с рождения и до смерти [3, с. 32].

На трапезы собирались человек 15, иногда меньше или больше. Каждый должен был принести определенное количество еды. Те, кто охотился или совершал жертвоприношения, могли принести животное на стол. Обычай этот продолжался длительное время, и даже цари соблюдали его. Плутарх упоминает царя Агида, вернувшегося из похода и желавшего пообедать с женой наедине послал слуг за своей долей, но ему её не отдали. На следующий день царь установленной жертвы не принес, за что был наказан штрафом [2, с. 12].

Четвертое: касалось воспитания детей. Родители не имели права воспитывать их сами. В семилетнем возрасте их отбирали у пап и мам, разбивали на отряды и приучали работать в коллективе. Во главе каждого отряда (который назывался агелой) стоял человек, прославившийся рассудительностью и мужеством. Дети во всем брали с него пример, подчинялись ему, и покорно терпели наказания. Старики наблюдали за игрой ребят и часто, нарочно ссоря их, вызывали драки, чтобы выяснить, кто из детей храбрее.

После первых испытаний требования к питомцам ужесточались. Их обривали наголо, приучали ходить босиком в любую погоду. Грамоте обучали только в ограниченных мерах, прочитать приказ, да написать свое имя.

По мере того как мальчики вырастали, их воспитывали во все более суровых условиях. Многие погибали от недоедания и побоев. Те, кто хотел выжить, должны были промышлять грабежом. Подобные преступления приветствовались. Правда, если вора ловили, то сурово наказывали, тем самым внушая: “Воруй так, чтобы не попадаться”.

Если юноше все же удавалось выжить и достичь 20-летнего возраста, он становился “иреном”, то есть предводителем. С этого времени жизнь становилась немного легче. Ирен командовал малышами, устраивал между ними схватки, присматривал за готовкой обеда. В обязанности входило также тренировать речь младших.

Таковы были основные законы Ликурга.

Когда важнейшие из законов Ликурга вошли в жизнь, он созвал всех граждан на народное собрание. И объявил, что собирается посетить оракула снова, дабы провести еще одно преобразование. Перед отправкой он взял слово с граждан не изменять его законы до возвращения. Убедившись у оракула, что законы прекрасны и Спарта будет процветать, пока соблюдает их, Ликург решил не возвращаться на родину, чтобы не дать согражданам изменить законы.

Ликург к тому времени уже был стар, отказавшись от пищи, умер. Но пред этим он приказал ближайшим соратникам сжечь его труп и развеять в море.

Несколько столетий, пока Спарта придерживалась его законов, она оставалась самым сильным государством в Греции. Только в конце V в. до н.э., когда в Спарту вместе с золотом и серебром проникли корысть и имущественное неравенство, законам Ликурга был нанесен смертельный удар.

Список литературы

1. Джекоб, Э. Пирр. Царь Эпира [Текст] / Джекоб Э. – М.: Центрполиграф, 2004. – 224 с.
2. Плутарх. Сравнительные жизнеописания [Текст] / Плутарх. – М.: Наука, 1994. – 1263 с.
3. Печатнова, Л.Г. История Спарты (период архаики и классики) [Текст] / Л.Г. Печатнова. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. – 510 с.
4. Печатнова Л.Г. Формирование спартанского государства (VIII-VI вв. до н.э.) [Текст]: учебное пособие для студентов. / Л.Г. Печатнова – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 84 с.

РАЗВИТИЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ГОРОДЕ ОРСКЕ В 1950–1970 ГОДАХ

**Кашаева Е.А., магистрант
Оренбургский государственный университет**

В образовательной системе города Орска в 1950–1970 годах высший её уровень был представлен педагогическим и политехническим институтами, переживавшими процесс своего становления и развития.

В 1949 году на базе Орского педагогического училища был основан Орский учительский институт с тремя отделениями: естественно-географическим, физико-математическим, русского языка и литературы. В Орск, по решению Оренбургского облисполкома, направлялись научные кадры из других учебных заведений области. В результате к 1951 году этот институт был полностью укомплектован преподавательским составом. За три года (1949–1952 гг.) он подготовил 472 учителя для 5-7 классов общеобразовательной школы [7]. Но уже в 1952 году учительский институт был преобразован в Орский педагогический институт с двумя факультетами: физико-математическим и филологическим [1].

В 1953 году при поддержке предприятий и строительных организаций города в Орске был открыт учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института. Особый и значительный вклад в его организацию внесли руководители и коллектив Южуралмашзавода совместно руководством заводов синтетического спирта, имени Чкалова, металлоконструкций, обработки цветных металлов. Все эти предприятия остро нуждались в инженерно-технических работниках. На первый курс было принято несколько десятков производственников [7]. К 1965 году Орский филиал Всесоюзного заочного политехнического института, расположенный в центре Орско-Халиловского промышленного района, занимал важное место в подготовке технических кадров. На его вечернем и заочном отделениях обучалось 2300 студентов. Филиал имел учебные пункты в Новотроицке, Медногорске и поселке Гай [7].

Одновременно происходило значительное увеличение числа студентов-заочников за счет организации заочного отделения в Орском педагогическом институте, на котором в 1953/1954 учебном году обучалось 390 человек. Однако в вузах Орска, как и в целом по области, отмечались низкая успеваемость и высокий процент отсева и второгодничества студентов-заочников. В 1957/1958 учебном году более половины студентов не выполнили в установленные сроки учебные планы. По причине низкой успеваемости были отчислены 123 студента-заочника [7]. Но, не смотря на отрицательные тенденции, развитие заочного и вечернего образования в конце 1950-х годов стало приобретать все более энергичный характер. Планомерно увеличивался контингент студентов, проходивших обучение по заочной вечерней формам.

К 1959 году в педагогическом институте был образован третий факультет – педагогики и начального образования. Затем была открыта кафедра иностранных языков, на базе которой впоследствии возник факультет иностранных языков [3].

В 1961 году в связи со столетием со дня смерти великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко постановлением Совета Министров СССР от 21 марта 1961 года за № 263 Орскому педагогическому институту было присвоено его имя [3].

В середине 60-х годов XX века педагогический состав Орского педагогического института насчитывал 129 преподавателей, в том числе 25 доцентов, 61 старшего преподавателя, 54 ассистентов. Более половины штатных преподавателей института являлись молодыми специалистами и имели стаж работы в вузе от 1 до 5 лет. Все штатные преподаватели были проведены по конкурсу, либо направлены Министерством просвещения РСФСР на работу по целевому распределению. Они в основном соответствовали занимаемым должностям. Несмотря на то, что все преподаватели вели активную работу по повышению своего профессионального уровня, ученое звание доцента в 1965/66 учебном году получил лишь один из них [4].

За истекший учебный 1965/1966 год институт пополнился лишь одним кандидатом наук [2]. Так же на работу прибыли 4 выпускника аспирантуры, не закончившие работу над своими диссертациями: А.Ф. Воброва из Волгоградского педагогического института, Н.А. Касаткин из Орехово-Зуевского педагогического института, Н.Т. Быкова из Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской и Ю.М. Максимов из Ленинградского университета [4].

На кафедре марксизма-ленинизма заведующим был кандидат исторических наук В.А. Финогенов. На этой кафедре работали 13 штатных преподавателей, в том числе 1 доцент, 3 кандидата наук, 4 старших преподавателя и 5 ассистентов. Коллектив кафедры обеспечивал преподавание общественных наук на должном идейно-теоретическом уровне. Лучше других кафедра была обеспечена квалифицированными специалистами по политэкономии. Но на кафедре марксизма-ленинизма не было специалистов высшей квалификации по философии. Большинство преподавателей были молодыми и поэтому нуждались в повышении своего профессионального уровня через Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук [6].

Кафедрой педагогики и психологии заведовал кандидат педагогических наук и. о. доцента И.В. Мохов. Учебную нагрузку по кафедре выполняли 7 преподавателей, в том числе 1 кандидат наук, 3 старших преподавателя и 3 ассистента. Кафедра обеспечивала преподавание студентам психологии, истории психологии и педагогики. Сотрудники кафедры имели опыт работы в школе. Но все ассистенты работали в институте первый год [5].

Кафедрой физического воспитания заведовал старший преподаватель В.Н. Тарасов. На кафедре работали 4 старших преподавателя, 4 ассистента. 5 преподавателей кафедры имели высшее специальное образование, 3 обучались

заочно в институтах физической культуры. Кафедра была укомплектована преподавательским составом не полностью.

В 1970/1971 учебном году основные планы и задачи педагогического вуза оставались прежними: подготовка квалифицированных учителей для средней школы, которые должны были владеть новейшими достижениями конкретных наук, а также педагогики и методики обучения школьников. После получения высшего образования они должны были эффективно решать задачи образования и воспитания подрастающего поколения в духе преданности идеям Коммунистической партии. На каждом конкретном этапе развития института решение этой общей задачи приобретало свои специфические черты и особенности.

Таким образом, в период 1950–1970 годов высшая школа в городе Орске была представлена педагогическим и политехническим институтами, которые находились на начальной стадии своего развития. В это время происходило формирование педагогических кадров, расширение действовавших и образование новых факультетов, открытие заочной и вечерней форм обучения. Результатом стал энергичный рост контингента студентов, от которого пока ещё отставал уровень их образованности. Другой негативной тенденцией в высших учебных заведениях города являлись отсутствие мотивации у студентов-заочников к обучению, а также их низкая успеваемость.

Список литературы

- 1 Государственный архив Оренбургской области Орский филиал (ГАОО ОФ). Ф.111.Оп.1.Д.93.
- 2 ГАОО ОФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 305.
- 3 ГАОО ОФ. Ф. 111. Оп. 1. Д.3.
- 4 ГАОО ОФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 246.
- 5 ГАОО ОФ. Ф. 111. Оп. 1. Д.435.
- 6 ГАОО ОФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 518.
- 7 Лукерченко, М.П. 1500 инженеров семилетки / М.П. Лукерченко // Орский рабочий. - 1959. - Вып. 106. – С. 8–10.

ОРЕНБУРГ КАК ОБРАЗЦОВЫЙ ГОРОД-КРЕПОСТЬ XVIII ВЕКА

**Кобер О. И., доцент кафедры архитектуры
Оренбургский государственный университет**

Петр Великий прорубил «окно в Европу» и мечтал построить город-крепость, который должен был стать «ключом и вратами» в Азию, но, по словам историка П.И. Рычкова, внезапная смерть помешала ему исполнить этот план [1]. Продолжить его дело предстояло преемницам-императрицам: племяннице Анне Иоанновне и дочери Елизавете Петровне.

Вопрос, как обезопасить русские земли от набегов киргиз-кайсаков (казахов), кочевавшими за Яиком, стал остро в 1730-е годы, когда они сами стали нуждаться в защите от джунгаров и попросили защиты и покровительства от России. Но чтобы расширять торговые связи со Средней Азией и странами Востока, охранять торговые пути и приграничные поселения от набегов и грабежей степных кочевников, надо было строить пограничную линию с главным городом-крепостью. Целесообразность такого строительства у многих в окружении императрицы Анны Ивановны вызывала сомнения: полупустынная южноуральская степь представлялась диким краем, малопригодным для русского населения [2].

Убедить императрицу удалось стороннику реформ и сподвижнику Петра Великого, обер-секретарю Сената И.К. Кирилову, который доказывал, что «нужно укрепить юго-восточные границы государства, построить «великий город-крепость» и сделать его главным опорным пунктом края» [3, с. 10]. Новый город, по его мнению, должен стать организующим центром, базой торговли России не только с киргиз-кайсацкими кочевниками и ханствами Средней Азии, но даже с Индией.

Иван Кириллович Кирилов, назначенный начальником Оренбургской экспедиции, заложил в 1735 году крепость в устье реки Орь с четырьмя бастионами и двумя воротами, а через две недели – город Оренбург. Насколько важное значение придавалось планируемому городу, говорит тот факт, что ещё до начала его строительства императрица Анна Иоанновна дала городу «Привилегию» на всевозможные права и льготы с целью привлечь переселенцев. Привилегией предусматривалось: освобождение на три года от государственных налогов, бесплатное предоставление городской земли «под дворы, кладовые, амбары, лавки», беспроцентные денежные ссуды сроком на 10 лет для строительства жилья, помощь строительными материалами за счет казны, разрешение на беспошлинную торговлю в первые три года с момента основания города.

Василий Никитич Татищев, один из самых выдающихся научных и политических деятелей XVIII века, был назначен на место умершего Кирилова начальником Оренбургской комиссии (бывшей экспедиции). Он побывал в устье реки Орь, на месте предполагаемого строительства крепости и не одобрил его: место низкое, затопляемое, бесплодное и безлесное, далеко от центра Рос-

сии. Татищев лично осмотрел новую площадку для постройки города, «примерно 160 км ниже по течению Яика в районе урочища Красная гора, и направил в Сенат свой проект» [4, с. 15]. Вскоре вышел указ о перенесении Оренбурга на новое место, а основанную Кириловым крепость переименовать в Орскую. Оренбург был заложен во второй раз в 1741 году у Красной горы.

Иван Иванович Неплюев стал последним начальником Оренбургской комиссии. Он выбрал третье место для строительства Оренбурга – недалеко от впадения в Яик реки Сакмары, где находилась основанная И. К. Кириловым Бёрдская крепость. В 1743 году строительная команда, прибывшая из Самары, заложила здесь Оренбург. Местоположение для города было в высшей степени удачным: на правом возвышенном берегу реки Урала, недалеко от впадения в него реки Сакмары, окрестности изобилуют строительным камнем; плодородные земли привлекали сюда земледельческое население; пути сообщения с центром России были обеспечены от нападения башкир и киргизкайсаков.

Троекратное основание Оренбурга в различных, далеко отстоящих друг от друга местах – факт беспрецедентный в российской истории [5]. Основан он был как город-крепость, имеющий «два функциональных назначения: служить оплотом крепостных линий, создаваемых по Яику, Самаре и Сакмаре и быть центром торгового и политического общения с народами Центральной Азии и Казахстана» [6, с. 5].

Оренбург вошёл в историю русской архитектуры как яркий образец русского градостроительства XVIII века. Это самый большой город-крепость, построенный в России. Длина города составляла 1444 метра, а ширина – 1216 метров. Ни до, ни после таких больших городов-крепостей в России не строили. И в этом состоит главная особенность Оренбурга, отличающая его от других новых российских городов XVIII века [5].

По мнению доктора архитектуры Н. Л. Крашенинниковой, Оренбург можно считать «после Петербурга вторым образцовым городом новой петровской формации» [7]. Сначала возводили сложные фортификационные сооружения и одновременно спланировали на местности улицы, площади, участки церквей и крупных городских комплексов. План Оренбурга называют «эталонном русского регулярного города XVIII века» [7]. Прямые улицы постепенно застраивались жилыми, административными и общественными зданиями. Кварталы, расположенные вдоль главных осевых улиц, предназначались для казенных зданий, домов чиновников, офицеров и казачьей старшины. Западная сторона города отводилась штатским жителям.

Требовалось в кратчайшие сроки обеспечить жильём и рабочими помещениями управленческий аппарат и расквартированный там военный гарнизон. Здания строились строго по «красной линии» улиц и соединялись типовыми заборами с въездными воротами и калитками. Дома были в основном одноэтажные, чаще всего деревянные.

Оренбургская крепость строилась с небольшими отклонениями от намеченного плана. Для обеспечения лучшей обороноспособности западная стена

была отодвинута от склона, чтобы подступы к городу хорошо простреливались. Восточную стену передвинули ради симметрии. В результате крепость из круглой – какой она намечалась по плану – превратилась в овальную.

Крепостные сооружения состояли из рва, вала, имели 11 полигонов и 10 бастионов. На берегу Урала были устроены 2 полубастиона для защиты города Оренбурга со стороны реки Урала [6]. Звёздообразная планировка бастионов Оренбургской крепости была выполнена по правилам военной фортификации. В город вело четверо ворот. Все они были сделаны из камня и имели сводчатую форму.

По свидетельству П. И. Рычкова [1], очевидца происходящего, город развивался необычайно быстро. Обстроиться городу помогла особая Контора строений, учрежденная Правительством еще в 1740 году. Первым оренбургским архитектором Конторы строений был Лейтгольд. С 1746 года начинает работать Иоганн-Вернер Мюллер [4, с. 36]. «Контора эта располагала огромной даровой рабочей силой в виде «преступников», ссылаемых туда из разных мест, которых бывало числом до 3 000 человек» [8, с. 6].

Уже через год город обрел статус губернского центра, а И. И. Неплюев стал первым губернатором, поскольку была образована Оренбургская губерния в составе Русской империи. К 1746 году в Оренбурге уже насчитывалось 840 дворов, четыре церкви, имелись казённые номера, аптеки, пороховой погреб, магазины, первоначальные гостиный и меновой дворы с 44 и 131 лавками соответственно. В архитектуру города, стоявшего на границе Европы и Азии, вписывались восточные и европейские элементы народного зодчества. К началу 50-х годов XVIII века Оренбург был в основном застроен, свободной оставалась только северо-западная часть. К 1760 году в крепости насчитывалось 2866 домов, что по меркам XVIII века было достаточно много.

Военный характер города-крепости наложил отпечаток на его внешний облик. В Оренбурге появились каменные «здания военного ведомства: полковые казармы, гауптвахта, цейхгауз, артиллерийский двор, госпиталь и аптека, дом инженерной команды, кордегардия, а из гражданских каменных зданий: губернаторский дом, губернская канцелярия, почтовый двор, двор строенной конторы, губернский магистрат, корпус соляного управления» [8, с. 7].

Внешнему облику Оренбурга XVIII века были присущи и свои своеобразные черты, отличающие его от других городов петровской эпохи. Такой особенностью является размещение административного центра не в геометрическом центре города, а на периферии крепости, на высоком, живописном берегу реки [5]. Именно здесь появляются представительные главные казенные здания дома высших чиновников, которыми историк П. И. Рычков, свидетель строящегося города, немало восторгался.

Про двухэтажное здание губернской канцелярии он писал, что «едва ли где в прочих губерниях найдется лучшее для такого, разумеется канцелярского, учреждения» [9, л. 352]. Губернаторский дом, состоявший при нем пока из 2 флигелей с 20 покоями, по его мнению, если бы мог быть достроен весь по

назначенному плану и фасаду, «должен был стать между лучшими строениями, находящимися в императорских резиденциях» [9, л. 352].

Оренбургская крепость строилась с 1743 по 1760 годы. Поскольку Оренбург со своего основания начал играть важную роль в торговле со Средней Азией и Востоком, то вместе с закладкой крепостных укреплений началось возведение торговых центров: Менового двора за Уралом, в 3 км юго-западнее города, для летней меновой торговли с кочевниками, и Гостиного двора – внутри Оренбурга для зимнего торга. Вначале лавки были деревянные и небольшие, потом в 1748—1754 годах, благодаря увеличению торговых оборотов, Неплюев заменил их новыми каменными [10]. По внешнему своему виду они напоминали крепости.

Меновой двор – место для него на левом берегу Яика, «на виду города», было выбрано не случайно, так как летом Яик преграждал путь в Оренбург торговым караванам из Средней Азии, поэтому торговля и меновые сделки осуществлялись за городом. Это был огромный рынок и постоянный двор. Первоначальный комплекс Менового двора был уничтожен весенним разливом реки в 1749 году. Строительство нового капитального Менового двора было ускорено решением Сената «О постройке каменного двора и таможни за Яиком» (1751) и закончено в 1758.

Так появилось уникальное сооружение XVIII века: квадратная цитадель размером с крепостными стенами и бастионами по углам. С четырех бастионов держали охрану двора пушки и специальный гарнизон солдат. С внутренней стороны к высоким кирпичным стенам Менового двора примыкали 148 амбара и 344 лавки. В Меновой двор вели двое въездных ворот: северные, европейские, обращенные к Оренбургу, и южные, азиатские — со стороны казахской степи. Над воротами соответственно были устроены пограничная таможня и караульня.

В середине Менового двора располагался маленький двор, так называемый «азиатский» с 98 лавками и 8 амбарами, по два амбара на каждом углу двора [10]. Здесь торговали только азиатскими товарами.

На западной стороне Менового двора располагалась так называемая Меновинская мечеть, построенная за казенный счет для прибывающих с караванами мусульман, «дабы они могли без препятствий поклоняться Всевышнему» [11, с. 129]. Мечеть представляла собой каменное одноэтажное здание, квадратное в основании, с куполом и двумя 3-ярусными минаретами, фланкирующими вход. В самом Оренбурге первая соборная мечеть появится в начале XIX века.

О меновом дворе П. И. Рычков с гордостью заявлял, что едва ли внутри всего государства имеется «столь великое здание для купечества» [9, л. 354]. Меновой двор играл важную роль в торговле России со странами Средней Азии и народами, населявшими юго-восточные пограничные районы. Торг начинался ежегодно в июне и продолжался до октября. К этому времени приходили торговые караваны из Хивы и Бухары. Кроме того, поступали товары из Индии,

России, Казахстана и других стран. Торговый оборот доходил до сотни миллионов рублей.

Гостиный двор располагался в центре города и представлял собою цитадель с высокими каменными стенами, глухими на улицу. Внутри одноэтажного строения размещались 150 лавок и амбаров, принадлежавшим самым известным оренбургским купцам. Двери и окна лавок выходили во внутренний двор, а своды и навесы позволяли вести торговлю в любую погоду. В центре двора находилась таможня [10].

Ансамбль Гостиного двора украшали две архитектурные доминанты: Благовещенская церковь и колокольня. Восточные корпуса стояли на главной Большой (Губернской) улице, с которой во внутрь двора вели ворота с Благовещенской церковью, на противоположной стороне двора были другие выездные ворота и над ними — куполообразная колокольня. Благовещенская церковь, как и весь комплекс Гостиного двора, была построена архитектором И.-В. Мюллером. Зная мечту Петра I «отворить врата в полуденную Азию», Неплюев многое сделал для того, чтобы Оренбург стал центром русско-азиатской торговли. Как писал сам Неплюев, «знатный торг в Оренбурге возымел начало» [3, с. 23-24].

С 1752 года И.И. Неплюев добился того, что торг в Оренбурге был объявлен ярмаркой, то есть можно было продавать свои товары как оптом, так и в розницу. Это позволило Оренбургу превратиться в крупнейший центр торговли со Средней Азией [10].

И. И. Неплюев был одним из наиболее видных в государстве храмостроителей. К 1761 году в Оренбурге было уже девять православных церквей: Преображенский и Введенский соборы, церкви Благовещенская, Никольская, Успенская, Крестовоздвиженская, Петропавловская, Георгиевская (в Форштадте), святых Захария и Елизаветы (на Меновом дворе).

Два главных собора – Преображенский (летний) и Введенский (зимний) – были построены сразу в камне и стали наиболее значительными произведениями архитектуры в стиле барокко и архитектурными доминантами. «Оба храма были хорошо видны со стороны реки Урал, так как стояли на его высоком кругом правом берегу и служили высотными ориентирами города с азиатской стороны. Кроме того, поставленные на расстоянии друг напротив друга, эти соборы фланкировали собой главную городскую площадь, сформировавшуюся, таким образом, с их участием» [12, с. 29].

В 1775 году на центральной Губернской улице была построена «лютеранского исповедания церковь, хотя и деревянная, но на каменном фундаменте с преизрядным внутренним и наружным украшением, в ней уже и служба отправляется» [9, л. 353].

К концу XVIII века Оренбург был по-прежнему пограничным городом, на востоке от которого за рекой Уралом начиналась степь с полудиким населением под властью полунезависимых в отношении России ханов. Вследствие этой пограничности, как в настоящей крепости, городские ворота запирались на всю ночь вплоть до утренней зари [8].

Оренбург несколько раз был губернским (1744-1781, 1797-1892, 1865-1917), областным (1781-1797), уездным (1802-1865) городом. Статус крепости сохранял больше ста лет, официальное ее упразднение в связи с потерей стратегического значения состоялось в 1862 году. Фактически же крепостные укрепления и комендантское управление в Оренбурге были уничтожены в 1860 году, тогда часть вала, окружавшего Оренбург, была срыта, а четверо городских ворот разобрано. Ликвидация крепости дала мощный импульс развитию города.

За свою вековую историю город-крепость Оренбург сыграл крупную политическую роль, как военный и административный центр края, как аванпост колонизаторской политики русского правительства на Востоке и как центр развития дипломатических, торговых и культурных сношений со среднеазиатскими ханствами.

Список литературы

Рычков, П.И. История Оренбургская [1730-1750] / П.И. Рычков. – Оренбург, 1896. – 95 с.

Злобин, Ю.П. История Оренбургская: В 2 ч. Часть 1 / Ю.П. Злобин, А. Н. Поляков. – Оренбург, 2008. – 224 с.

Семенов, В.Г., Семенова, В.П. Губернаторы Оренбургского края / В.Г. Семенов, В.П. Семенова. – Оренбург, 1999. – 400 с.

Дорофеев, В.В. Архитектура Оренбурга XVIII-XX веков / В.В. Дорофеев. – Оренбург, 2007. – 176 с.

Смирнов, С.Е. 50 жемчужин Оренбурга / С.Е. Смирнов. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г.П. Донковцева, 2019. – 272 с.

Дорофеев, В. В. Над Уралом-рекой / В. В. Дорофеев. – Челябинск, 1988. – 269 с.

Крашенинникова, Н.Л. Облик русского города XVIII века на примере Оренбурга / Н.Л. Крашенинникова // Архитектурное наследство. – 1973. – № 21. – с. 14-23.

Ардашев, Н.Н. К 100-летию юбилею Оренбургской губернии / Н.Н. Ардашев // Оренбургская ученая архивная комиссия: Вып. 2. – Оренбург, 1897. – С. 1-36

Рычков, П.И. Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии Петра Ивановича Рычкова [рукопись]. – 1776-1777. – Л. 350-355

Витевский, В.Н. И.И. Неплюев, верный слуга своего Отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Биограф.-ист. очерк / В.Н. Витевский. – Казань, 1891. – 236 с.

Крюков А.П. Оренбургский меновой двор // Отечественные записки. Часть 30. – 1827. – № 84. – С. 128-140

Свирина, Н. В. Оренбург XVIII – XX веков / Н. В. Свирина // Гостиный двор. – 2005. – № 17. – С. 24-74.

НАЧАЛО РУСИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И НОРМАННСКИЙ ВОПРОС

Поляков А.Н., кандидат исторических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

Наши знания о начале древнерусского государства покоятся в основном на «Повести временных лет». Ключевое значение в понимании представлений автора о начале Руси имеет рассказ о призвании варягов, который помещён в «Повести временных лет» под 859 и 862 годами. Содержание рассказа общеизвестно. Вначале, под 859 годом, автор «Повести» сообщает, что варяги взимали дань со славян (ильменских словен и кривичей) и других племён, живших по соседству (здесь же говорится, что хазары брали дань с полян, северян и вятичей). После двух пропущенных лет (860 и 861) летописец приступает к сути рассказа. В 862 году славяне и все остальные данники изгнали варягов за море и стали владеть собой сами. Это привело к большим несчастьям: началась усобица, пошёл род на род (в Новгородской Первой летописи — град на град), и не стало между ними правды. Тогда они решили поискать себе правителя, который бы владел ими и судил по праву (то есть по правде). Для этого было отправлено посольство за море к варягам, которые, как утверждает летописец, назывались русью: *«сице бо ся звахуть и. варязи суть. яко се друзии зъвуться Свое [свеи]. друзии же Оурмане. Анъгляне друзии Гъте. тако и си реша. Русь»* [12, стб. 19]. Послы заявили варягам: *«вся земля наша велика и обилна. а наряда в ней нетъ. да поидете княжитъ и володети нами»* [12, стб. 20]. На просьбу откликнулись три брата — Рюрик, Синеус и Трувор, которые прибыли к просителям со своими родами и стали править — Рюрик в Новгороде, Синеус на Белоозере, а Трувор в Изборске. Через два года братья Рюрика умерли, и он, взяв всю власть в свои руки, стал раздавать своим мужам города: кому Полоцк, кому Ростов, кому Белоозеро. В этом месте автор ещё раз уточнил, что во всех этих городах варяги были «находниками», а коренными жителями — словене, кривичи, весь, меря и мурома. Завершается статья 862 года рассказом об Аскольде и Дире, которые отпросившись у Рюрика, отправились в Царьград, но остановились в Киеве и стали там править со своими варягами.

Логическим продолжением легенды о призвании Рюрика с братьями является сообщение о походе Олега на Киев в 882 году. После смерти Рюрика, о которой говорится под 879 годом, собрав большое войско — варягов, чудь, словен, мерю, весь и кривичей, Олег отправился на юг, взял Смоленск и Любеч, посадил там своих мужей, и, добравшись до Киева, спрятал своих воинов в ладьях. Притворившись купцом, он вызвал Аскольда и Дира на переговоры, объявил их самозванцами и убил. Далее идёт самое главное. Олег сказал: *«се буди м[а]ти градомъ рускими. [и] беша оу него Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью»* [12, стб. 23]. На этом история обретения восточными славянами имени «Русь» заканчивается. Следующий дальше текст подводит читателя к

мысли о неизбежности приобщения киевской Руси к христианству и исполнению пророчества Андрея Первозванного.

Оба рассказа (и о Рюрике, и об Олеге) вызывают большие сомнения в достоверности содержащихся в них фактов. Начнём с того, что датировка событий (862 и 882 годы) не соответствует действительности и это общеизвестно. В столице империи ромеев послы кагана русов появились ещё в 838 году (или начале 839-го). Военный поход на Царьград они совершили в 860 году, за два года до легендарного призвания Рюрика. Никакой другой источник, современный «Повести» или более древний, близкий самим событиям, не сообщает ни о призвании Рюрика славянами, ни об Олеге. Отождествление Рюрика с Рериком (Рориком) Ютландским, мягко говоря, является натяжкой. Деятельность Рерика проходила на северо-западе бывшей Франкской империи в середине – второй половине IX века. Пик его активности приходится на 850–873 годы. Вместе с братом Харальдом он держал в качестве бенефиция город Дорестада [15, с. 144]. Владел Фризией. Был вассалом Людовика Немецкого. После 873 года из вида хронистов он пропадает. С нашим Рюриком его роднит только созвучие имён и пробел в его биографии, что явно недостаточно. Строить на этом теории и гипотезы — всё равно, что гадать на кофейной гуще. В так называемом «Кембриджском документе» упоминается царь Руси Хельг — современник византийского императора Романа Лакопина, но его судьба и время жизни с Вещим Олегом русской летописи не совпадают [7, с. 181–183]. Что касается договора с греками 911 года — он дошёл до нас только в передаче летописца, который мог просто вписать туда имя Олега. То, что он был способен на это, сомневаться не приходится. Он уже менял имя Игоря на Олега, описывая поход 882 года. Греческие хроники, которыми летописец активно пользовался, хорошо знают Игоря, Ольгу, Святослава, Владимира, но молчат и о Рюрике с братьями, и об Олеге. Не имея никаких других источников о событиях 200-летней давности, наш летописец был в крайне затруднительном положении. Судя по всему, в то время были известны только имена и могилы описываемых персонажей (Рюрика, Синеуса, Трувора, Аскольда, Дира и Олега) — на могилы Олега, Аскольда и Дира прямо указывается в «Повести». «Олегова могила» в Киеве как действительно существовавший ориентир упоминается в Ипатьевской летописи под 1151 годом. Первые три имени, по всей видимости, также были взяты из местных топонимов подобного рода («Рюриково» и «Труворово» городища — названия поздние, возникшие уже на основе летописной легенды).

Содержание рассказов воспроизводит реалии не IX-го, а XI–XII веков. Призвание князя — практика XII столетия. Племена словен и кривичей, а, равно как и финно-угорской чуди, в IX веке жили племенным строем и не являлись единым политическим организмом. Последствия изгнания варягов, однако, описываются так, будто славяне и чудь потеряли правителя (а не угнетателей, грабивших их), то есть неожиданно в ходе рассказа происходит подмена понятий. «Самостоятельность» (фактически имеется в виду отсутствие князя) порождает безвластие с присущим ему хаосом — род идёт на род, а град на град, правды нет и судить по праву некому. События развиваются исходя из мысли,

что славяне Приильменья и их соседи имеют единую государственность. Они принимают совместные решения и снаряжают общее посольство, целью которого и является необходимый им правитель. И Рюрик, и затем Олег ведут себя как типичные князья XII века. «Устанавливать дани», «судить по правде», «строить и раздавать в управление города» — занятия князей в эпоху летописца. Иначе говоря, все действия Рюрика стандартизированы. Он делает только то, что по представлению автора «Повести» должен был делать. Никакой конкретики в его действиях нет. Как и в случае с Кием, о котором в «Повести временных лет» помещена топонимическая легенда, это заставляет думать, что Рюрик (и тем более его братья, которые сделали только то, что умерли) — фигура выдуманная и выдумана она для каких-то определённых целей. На самом деле, ни Новгорода (где вокняжился Рюрик), ни Ростова, Полоцка, и Белоозера (где Рюрик рассаживал своих мужей), ни Смоленска и Любеча (где Олег оставил своих посадников) в IX веке не существовало. В это время не было построено ни одного поселения городского типа. Даже предполагаемая резиденция Рюрика на Городище, близ Новгорода, не была городом в древнерусском смысле этого слова. Это был племенной центр, принимавший участие в международной торговле, которая активно велась тогда по волжскому пути. Первые города, судя по археологическим данным, на территории Руси появляются в X веке [10, с. 110–121]. В «эпоху Рюрика» славяне жили в небольших посёлках в хаотично расположенных подквартных жилищах, где, как показывают раскопки, нет следов имущественного или классового неравенства и тем более государственности [16, с. 65].

Некоторые детали рассказов вызывают недоумение. В частности, заявление послов: «...вся земля наша велика и обильна. а наряда в ней нетъ» [12, стб. 20]. Смущает здесь утверждение, что земля славян Приильменья «обильна». Имеется в виду, что она благоприятна для земледелия и богата всевозможными природными дарами. Однако всё было как раз наоборот. Новгородская земля в силу особенностей местного климата всегда страдала от недостатка хлеба. Здесь распространены дёрново-подзолистые (часто переувлажнённые, засорённые камнями) и заболоченные почвы, малопригодные или вовсе не пригодные для земледелия. Месторождений драгоценных металлов нет — ни золота, ни серебра. Климат (в IX веке он мало отличался от современного) — затяжная прохладная весна, тёплое, но короткое лето, продолжительная осень и снежная зима — также не способствует «обильности» земли словен и их соседей.

Очевидно, это и другие подобные странности возникли благодаря привычке летописца использовать для построения текста уже готовые фразы различного происхождения. Основным источником его «вдохновения» в данном случае (в условиях отсутствия сведений из хроник) оказалась Библия. Земля «обильная» — это земля обетованная, обещанная Богом избранному народу. Она неоднократно упоминается в Ветхом Завете. Впервые в этом качестве, кажется, во второй книге Моисея «Исход»: «...Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в землю хорошую и пространную, где течёт молоко и мёд...» (Исх. 3:8). Конкретно, ука-

занный текст восходит, скорее всего, к пророчеству Исаии, сына Амосова о последних днях Иудеи и Иерусалима. Здесь есть сведения о земле с бесчисленными сокровищами, золотом и серебром и предсказание о появлении царя, который будет царствовать по правде: *«Се бо царь правдивъ царствуетъ и князи со судомъ владети начнутъ»* [9]. Текст самого послания напоминает слова из книги Судей: *«...и егда приидете, внидете в люди живушая съ упованиемъ, а земля пространна [«велика» – в летописи]... яко предасть ю Господь Богъ в руки ваша, место на нем же несть скудость во всем иже на земли [это и значит – «обильна»]»* [9]. В синодальном переводе этот текст выглядит так: *«...когда пойдёте вы, придёте к народу беспечному, и земля та обширна; Бог предаёт её в руки ваши; это такое место, где нет ни в чём недостатка, что [получается] от земли»* (Суд. 18:10).

В тексте легенды есть и другие библейские заимствования. Используя их, можно повторить «подвиг» древнерусского книжника. Мотив призвания правителя помимо пророчества Исаии присутствует в Книге Судей: *«И вегда воеваша сынове Аммони на Израиля, идоша старцы Галаадови пояти Ефая от земля Тововы, и рекоша къ Ефаеви: прииди даны будеши стареишина, да ся вополчимъ на сыны Аммония»* [9]. В синодальном переводе: *«Во время войны Аммонитян с Израильтянами пришли старейшины Галаадские взять Иеффаю из земли Тов. И сказали Иеффаю: приди, будь у нас вождём, и сразимся с Аммонитянами»* (Суд. 11:5–6.). Описание усобиц после изгнания варягов (*«...и не бе в нихъ правды и въста родъ на родъ и быша в них усобице»* [12, стб. 19]) повторяет текст Первой книги Маккавейской и Третьей книги Ездры. В первой говорится: *«И напал от них страх и ужас на весь народ, и говорили: нет в них истины и правды, ибо они нарушили постановление и клятву...»* (1 Мак. 7:18.). Вторая гласит: *«И будут предпринимать войны одни против других, город против города, одно место против другого, народ против народа, царство против царства»* (3 Езд. 13:31.). Старославянский вариант текста звучит так: *«и иные инымъ помышляютъ възбранити, град града и место места, и языцы на языцехъ, и царство на царство»* [9].

Смысл всей этой истории убедить читателя в том, что имя «Русь» северного варяжского происхождения. Сделать это оказалось непросто. Современные летописцу русины, в числе которых был и он сам, говорили на славянском языке. Русов-варягов они не знали. В источниках XI века (например, Русской Правде) варяги и русины всегда противопоставляются. В доказательство северного происхождения Руси, автор «Повести» привёл только перечень варяжских народов хорошо известных его современникам, намеренно (чтобы ему поверили) включив туда и русов. Где-то на севере рядом с чудью он упоминал русь и в самом начале «Повести». При этом летописец упорно старается убедить читателя в том, что киевские русы раньше назывались полянами. Рассказ о них в недатированной части сродни описанию «избранного» народа в Библии. Это отождествление — руси и полян, по всей видимости, говорит о том, что, кроме первых летописцев, о полянах (в отличие от остальных «племён») не помнил никто уже в XI веке.

На самом деле никакой Руси на побережье Балтийского моря неизвестно. Все её поиски в этом месте оказались тщетными. Источники чаще всего связывают Русь с киевским Поднепровьем и Причерноморьем. Здесь её размещают не только русские летописцы XII века (так называемая Русь в узком значении), но и арабо-персидские, византийские и западноевропейские авторы IX–X столетий. Указания восточных писателей X и последующих веков на размещение русов между славянами и хазарами (позже булгарами и печенегами) никого не удивляют. Эти сведения совпадают с данными «Повести временных лет» о княжении в Киеве русских князей Игоря, Святослава и Владимира. Подтверждают это и византийские авторы — Лев Диакон, Псевдо-Симеон, Продолжатель Феофана и другие. Император ромеев Константин Багрянородный рассказывает о росах, которые ежегодно отправляют свои моносилы из Киева в Константинополь, минуя днепровские пороги (которым он даёт двойные названия — росские и славянские). Он же описывает приём в Константинополе киевской княгини Ольги. Однако, о русах, живущих между славянами и хазарами, то есть в Поднепровье и Причерноморье, пишут и восточные авторы рубежа IX–X веков (Ал-Истахри) [1, с. 82], и западноевропейские книжники второй половины IX столетия — «Баварский географ» [2, с. 29]. Иначе говоря, с тех пор, как русы появляются на исторической сцене, они находятся в одном и том же месте — на юге восточной Европы, рядом с хазарами и славянами.

Зачем же понадобилось летописцу помещать первоначальную Русь на севере? Дело в том, что существовала другая версия происхождения названия русского народа, которая была в широком ходу и тогда, и позже. Речь идёт о легенде, согласно которой, Русь получила имя от своего прародителя, князя Руся. Мы её знаем в различных вариантах из восточных источников, греческих и славянских исторических сочинений. Хорошо известно так называемое «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске», размещённое в поздних русских летописях (например, Мазуринском летописце конца XVII века [14, с. 11–12]). Другой вариант — о братьях Лехе, Русе и Чехе — содержит более ранняя «Великопольская хроника» [4, с. 52]. Арабо-персидская версия — о Словене, Русе и Хазаре практически современна «Повести временных лет» [8, с. 401]. Однако самое раннее упоминание о Русе, от которого пошло имя народа, древнее нашей летописи. Оно находится в хронике X века Псевдо-Симеона (вариант «Продолжателя Феофана»): *«Росы, или ещё дромиты, получили своё имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы...»* [11, с. 182]. По всей видимости, предлагаемая летописцем история обретения славянами «русского» имени противостоит именно этой версии. Чем же она не угодила летописцу?

Ключ к разгадке кроется в эсхатологических ожиданиях автора «Повести», на существовании которых настаивает И. Н. Данилевский. Как и все христиане, наблюдаемую им историю летописец воспринимает как реализацию библейских пророчеств. Часть заголовка, предваряющего описание «временных» лет в Новгородской Первой летописи (*«како избра богъ страну нашу на последнее время»* [13, с. 103]) свидетельствует о том, что русские христиане

(или их часть, к которой принадлежал летописец) воспринимали свою страну как землю, на которой произойдёт спасение человечества. Это убеждение вступало в противоречие с представлениями греков о народе «рос», появление которого у границ империи в IX веке было прочно связано с пророчеством Иезекииля о князе Гоге из земли Магог. Согласно пророчеству, в последние годы человечества на землю Израиля, избавленную от меча и живущую безопасно, Бог приведёт полчища некоего Гога, князя Роша, Мешеа и Фувала (старославянский вариант: «*се азъ на тя Гогъ и Магогъ, князя росска, мосохъ и фовель*»). Придут «росы» от пределов севера и приведут с собой многие народы в полном вооружении, в бронях, со щитами и мечами, чтобы произвести грабёж, набрать добычи, взять серебро и золото, отнять скот и имущество. Но потом, чтобы показать себя избранному народу, Бог уничтожит «росов», и похоронят Гога и всё его войско в долине на восток от моря и будут называть эту долину «Гогова» (Иез. 38:2-23; 39:5-16.).

Нашему летописцу, который считал именно Русь «избранной на последнее время», не могло понравиться это пророчество. Чтобы превратить русов из предвестников апокалипсиса, обречённых на уничтожение, в народ спасаемый Богом, ему пришлось отрещиваться от мифического прародителя Руса, заменив народную легенду искусственной конструкцией, составленной из переименованных библейских текстов.

Сочиняя свою историю про Рюрика, наш летописец не был оригинален. Ещё в X веке подобную легенду о призвании изложил монах монастыря Новая Корвея Видукинд. Он писал о приглашении «измученными» вторжениями врагов бриттами «благородных» саксов: «И вот, когда распространилась молва о победоносных деяниях саксов, [жители Британии] послали к ним смиренное посольство с просьбой о помощи. И послы [из Британии], прибывшие [к саксам], заявили: “Благородные саксы, несчастные бритты, *изнуренные постоянными вторжениями врагов* (здесь и далее курсив мой. — А. П.) и поэтому очень стесненные, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить [бриттов] без помощи. *Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, [бритты] готовы вручить вашей власти...*”» [5, с. 128]. По всей видимости, библейская история о приглашении правителя-защитника, царствующего по правде, среди христианских хронистов была популярна.

Пророчество Иезекииля определило и структуру этой части «Повести временных лет». Вначале автор доказывает славянство современной ему Руси (отождествляя её с полянами — в его представлении «избранного» народа), а затем описывает реализацию пророчества, поправляя его в нужном для себя ключе. Практически вся начальная часть «Повести временных лет» состоит из сплошных сказаний (народных и книжных, придуманных летописцем ради неких высших целей), что не удивительно, учитывая время, которое разделяет автора и описываемые события. Рассказы о призвании варягов и деятельности Олега (поход 882 года), судя по всему, не имеют к историческим фактам никакого отношения. И общий ход событий (призвания правителя, поход с севера на

юг народа-разрушителя к избранному народу (поляне) и его исчезновение (осталось только имя)) и детали, предлагаемые автором «Повести» в качестве достоверных, не имеют под собой твёрдой почвы. Они описывают «сбывшиеся» предсказания ветхозаветных старцев, состоят из библейских текстов, приспособленных для нужд летописца, и стереотипных, присущих князьям и людям XII века, действий. Мотивом для создания легенды о Рюрике и Олеге стало желание поправить «неприятное» для автора пророчество Иезекииля, которое греки связывали именно с русами. Персонажи этой легенды, вполне возможно, существовали (если учитывать наличие их могил в Киеве, Ладоге, Изборске и Белоозере) — Рюрик, Синеус, Трувор, Олег, Аскольд, Дир — только вот деяния, родство и отношения их между собой, как это описано в летописи, не соответствуют действительности. Скорее всего, они не связаны между собой ни временем, ни кровью, ни местом действия.

Признание легенды о призвании варягов полностью недостоверной влечёт за собой исчезновение краеугольного камня, вокруг которого вот уже более 200 лет ведётся спор о роли норманнов в образовании древнерусского государства. Воспоминания самих норманнов скромнее. Среди героев скандинавских саг нет творцов Киевской Руси, а правители этой страны не воспринимаются как потомки её создателей [6, с. 203, 227]. В Страну городов (Гардарику) викинги едут за приключениями, служат правителю этой страны и совершают множество подвигов. Сам собой становится очевидным факт, что появление скандинавских древностей на территории расселения восточных славян и угрофиннов (о чём свидетельствуют археологические раскопки) связано с интересом норманнов к восточной торговле по волжскому пути (вдоль которого эти древности в основном и встречаются). Это подтверждает бесследное исчезновение скандинавского наследия во второй половине XI–XII веках вместе с упадком этой торговли и синхронно с развитием Киевской Руси, в создание которой они якобы приложили массу усилий. От мифических скандинавских творцов древнерусской государственности не осталось практически ничего, и не только в материальной культуре, но и в топонимике, мифологии, именослове, политической терминологии.

Список литературы

1. Ал-Истахри. Книга путей и стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 82–86.
2. Баварский географ // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники / сост. перевод и комм. А. В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 27–30.
3. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Российское библейское общество, 1993. 1376 с.

4. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под. ред. В. Л. Янина. М.: МГУ, 1987. 267 с.
5. Видукинд Корвейский. Деяния Саксов / вст. ст., перевод, комм. Г. Э. Санчука. М.: Наука, 1975. 272 с.
6. Джаксон, Т. Н. Рюриковичи и Скандинавия / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М.: Индрик, 2008. С. 203–227.
7. Кембриджский документ // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 178–184.
8. Новосельцев, А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. / А. П. Новосельцев // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355–419.
9. Острожская библия 1581 г. издания Московской старообрядческой книгопечатни 1914 г.
10. Поляков, А. Н. Киевская Русь как цивилизация / А. Н. Поляков. 2-е изд. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. 518 с.
11. Псевдо-Симеон. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники / сост. М. В. Бибигов. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 182.
12. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
13. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
14. ПСРЛ. Т.31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 263 с.
15. Пчелов, Е. В. Рюрик / Е. В. Пчелов. М.: Молодая гвардия, 2010. 316[4] с.
16. Седов, В. В. Восточные славяне в VI – XIII вв. / В. В. Седов. М.: Наука, 1982. 328 с.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

Приказчикова О.В., кандидат исторических наук,
Оренбургский государственный университет

Во второй половине 1930-х гг. местные Советы и их исполкомы были призваны сыграть определенную роль в развитии средств массовой культуры: печати радио, кино и другие культурно-просветительские учреждения.

При непосредственном участии Советов при клубах создавались кружки художественной самодеятельности, хоровые коллективы и народные театры. В 1939 г. Челябинской области при участии Советов действовало 4902 кружка, из них 1634 драматических, 1535 хоровых и 1265 музыкальных [1, л. 110].

В январе 1941 г. Челябинский облисполком провел областной смотр коллективов художественной самодеятельности. Отбор коллективов на смотр проводили конкурсные комиссии районных Советов. Так, в Курганском районе в конкурсе участвовало 37 кружков, а в Троицком – 53 [2, л. 49].

В 1936-1937 гг. в стране расширилась сеть профессиональных театров. К 1938 г. их насчитывалось 787 (в 1933 г. – 551). В Челябинской области к началу 1939 г. работало 13 театральных групп, из них 8 в городах, 2 колхозно-совхозных, 2 детских и 1 музыкальной комедии [3, л. 36-40]. В 1940 г. в области действовало 12 театров.

К концу 1939 г. Чкаловская область имела 7 профессиональных театров. В мае 1939 г. Чкаловский горсовет выделил помещение театру кукол [4, л. 11].

При участии Чкаловского областного Совета был создан татарский колхозно-совхозный театр, который проводил активную борьбу с вредными традициями старого быта, националистическими пережитками, предрассудками и воспитанию трудящихся в духе интернационализма и патриотизма.

Репертуарный план как самодеятельных, так профессиональных театров составляли комитеты по делам искусств облисполкомов, которые в впоследствии утверждались на пленумах Советов. Например, 6 июня 1939 г. состоялся пленум Чкаловского горсовета, специально посвященный работе областного драмтеатра. Областной театр на 95 % обслуживал население города. Пленум наградил коллектив театра за хорошую работу грамотой горсовета и направил ходатайство в облисполком и СНК РСФСР о строительстве нового здания театра.

Комитеты по делам искусств при исполкомах Советов осуществляли идеологический контроль не только за театрами, но и за работой кинозалов и кинотеатров, сеть которых в период 1936-1941 гг. значительно расширилась [5, л. 48-49].

Выполняя указание Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК РСФСР № 77 от 27 марта 1937 г., Краснохолмский райисполком Чкаловской области принял решение, санкционирующие бесплатное посещение кинотеатра

цензору, председателю и секретарю исполкома, секретарям райкома партии, начальнику отдела НКВД и милиции и инспектору пожарной охраны [6, л. 14].

В июле 1937 г. в Челябинске открылся кинотеатр им. Пушкина. В 1938 г. кинозалы области посетили 3 млн. 822,6 тыс. человек. В 1939 г. под руководством исполкомов в райцентрах провели работу по озвучиванию кино, и посещение кинотеатров увеличилось до 12,5 млн. человек, а в 1940 г. - до 13,4675 млн. человек [7, л. 92].

На время посевных райсоветы организовывали кинопередвижки и выделяли средства сельсоветам на их обслуживание [8, л. 1-4].

В 1938 г. в Челябинской области было организовано 160 стационарных передвижек, а в 1939 г. уже 185 [9, л. 110].

В рассматриваемый период Советов решали задачи развития таких средств массовой информации как радио и периодическая печать [10, л. 17].

Центральная газета Советов депутатов трудящихся «Известия» имела тираж 1,6 млн. экземпляров. Орган ВКП (б) газета «Правда» выходила тиражом 2 млн. экземпляров, В 1937 г. в стране выпускалась 8521 газета, а их общий разовый тираж составлял 36,6 млн. экземпляров.

В Оренбургской области газета «Оренбургская коммуна», орган областного Совета депутатов и обкома ВКП (б), выходила тиражом 85 тыс. экземпляров. Кроме неё издавались газеты «Большевистская смена», «Коммунист», «Сталинские внучата» и другие [11, л. 55].

В Челябинской области в 1939 г. издавалось 85 газет, в том числе 3 областных, 63 районных и 19 фабрично-заводских.

Все типографии действовали по указаниям областных управлений по делам литературы и издательств областных Советов (обллит) и были обязаны ежедневно доставлять контрольные экземпляры газет. Планы работы развития районной печати, разрабатывались редакторами районных газет и утверждались райисполкомами Советов и райкомами ВКП (б) [12, л. 78].

Следует отметить, что, несмотря на увеличение размеров тиражей, исполкомы Советов постоянно отмечали факты плохого снабжения населения периодической печатью. Именно поэтому в мае 1937 г. газета «Сталинец» опубликовала обращение к сельсоветам и их секциям связи, селькорам и другим активистам об организации общественного контроля доставки печати [13, л. 52].

Судя по документам, плохое снабжение населения периодической печатью, сохранялось в течение всего рассматриваемого периода. Так, жители Петропавловского сельсовета Бродокалмакского района Челябинской области жаловались, что газеты не выписывал даже сельсовет [14, л. 4].

Сеть почтовых учреждений к 1936 г., благодаря выполнению местными Советами постановления СНК СССР от 20 сентября 1934 г. «О мероприятиях по улучшению связи», увеличилась до 46133 (в 1931 г. - 24192). В 1936 г. в стране работало 106809 колхозных письмоносцев, и прошел Всесоюзный конкурс на лучшее предприятие связи по доставке писем и печати

В январе 1936 г. в ходе проверки бригадой Комиссии советского контроля

(КСК) при СНК СССР работы Челябинского почтамта, из 135 писем, подлежащих уничтожению по причине отсутствия адресата, было доставлено 48. Были вскрыты и другие факты хищений и злоупотреблений почтовых работников. Отчет комиссии о результатах проверки работы челябинской почты был заслушан на Всесоюзном совещании Управления почтовой связи Наркомсвязи СССР, прокуратуры СССР, местных прокуратур и областных управлений связи. В постановлении КСК при СНК СССР «О состоянии почтовой связи» от 10 февраля 1936 г. главными причинами плохой работы почтовой связи в стране называлось не решение местными Советами организационно-хозяйственных вопросов и слабый контроль со стороны исполкомов за нарушениями трудовой дисциплины.

Сфера социальной политики в период 1936-1941 гг. стала той областью практической деятельности, в которой в большей степени проявлялись участие местных Советов, депутатского корпуса, секций, депутатских групп, постоянных комиссий и исполкомов при решении вопросов, отражавших потребности электората.

Организационная перестройка местных Советов в 1939-1941 гг. привела к исчезновению секций, отвечавших за реализацию культурно-просветительной политики, жилищно-коммунальное строительство в городах, развитие системы народного образования в сельской местности.

Изменения стиля партийного руководства предоставили Советам большую самостоятельность в решении социальных вопросов. Реальная практика свидетельствует о том, что серьезные успехи в культурно-просветительской деятельности, в сфере народного образования, жилищно-коммунального хозяйства были достигнуты, прежде всего, в тех районах и областях, где секции Советов и их исполкомы, не дожидаясь улучшения общей ситуации с финансированием, зависящие от них меры в этом направлении.

Реальный практический опыт местных представительных органов и их исполнительных комитетов как нельзя лучше свидетельствует о необходимости использования в деятельности нынешних органов муниципального самоуправления многих демократических форм их деятельности. Вполне естественно возникает вопрос о степени применимости советского опыта реформирования к современной России.

Список литературы

1. Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 1. Д. 555.
2. ОГАЧО. Ф. Р-1480. Оп. 1. Д. 113.
3. ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 9. Д. 25.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 1574.
5. ГАОО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 138. Л. 48-49.
6. Постановление Краснохолмского РИКа от 3 апреля 1938 г. // ГАОО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 150.

7. ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 11. Д. 145.
8. ОГАЧО. Ф. Р-1679. Оп. 1. Д. 11.
9. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 555.
10. Решение Челябинского облисполкома «О мерах по бесперебойному снабжению электроэнергией радиоузлов области» от 3 февраля 1941 г. // ОГАЧО. Ф. Р-1480. Оп. 1. Д. 113.
11. ГАОО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 4.
12. Письмо Управления печати и полиграфической промышленности Оренбургского облисполкома от 16 июня 1937 г. // ГАОО. Ф. Р-883. Оп. 1. Д. 40.
13. ГАОО. Ф. Р-883. Оп. 1. Д. 40.
14. ОГАЧО. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 107.

ИЗУЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОЧНИКОВ

Сафонов Д.А., доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный университет

Крестьянское движение России было и остается одной из основных тем отечественной историографии. Социальный протест крестьян имел определяющее воздействие и на политику правительства, и на общество, и на освободительное движение в стране, и на рост сознания самих крестьянских масс. Вопрос о содержании, сферах и видах общественного сознания, по признанию философов и социологов, до сих пор дискуссионен. Поэтому нет единства взглядов и у историков: авторы писали и пишут о «социальной психологии», «крестьянском самосознании», «классовом самосознании», «мировоззрении», «политических настроениях», «общественно-политических взглядах», «политическом сознании», «крестьянской ментальности» и т.п. некоторые из этих терминов и понятий синонимичны; некоторые входят составляющими в другие, более широкие (скажем, «политическое сознание» может рассматриваться как часть сознания «общественного», «менталитет» включает в себя и сознательное и бессознательное и т.п.), но достаточно познакомиться с названными работами, чтобы убедиться в главном: все авторы по большому счету имеют в виду одно и то же – внутренний мир крестьянства, его взгляды и представления. Самостоятельный поиск неизбежно приводил к путанице в терминологии и понятиях, а это не всегда позволяло свести воедино данные этих исследователей, обобщить их выводы. Взаимоотношения крестьян и власти весьма широки и многоплановы, включают в себя как позитивные, так и отрицательные моменты. Важную определяющую роль играли действия местных властей, их собственное понимание и реализация правительственного курса. Конкретная государственная политика складывалась из действий на местах, замысел при его практической реализации мог значительно расходиться с результатом. Все это накладывало отпечаток на развитие самосознания крестьянства. На протяжении достаточно долгого времени - эпохи феодализма - крестьянское сознание оставалось более или менее стабильным. По сути основное содержание крестьянского общественного сознания оставалось неизменным. Период кардинальных перемен начинается с отмены крепостного права. когда в сознании крестьян начались процессы, предопределившие его последующее развитие. Традиционность крестьянского хозяйствования и бытия была взорвана. Перемены в жизни страны оборачивались переменами в сознании крестьян, их социальной активности и т.п. Наиболее ярко это проявляется в период социальной нестабильности - реформ и революций. Перемены при этом бывают настолько значительны, что процесс развития сознания крестьян (в принципе процесс, продолжающийся непрерывно и постоянно) как бы резко «уплотняется» во времени, и в считанные годы, а иногда даже и месяцы развитие делает скачкообразный рывок вперед. Предмет изучения очень многогранен, крестьянская масса разноречива -

отсюда и кардинальные расхождения в оценках исследователей. В историографии мирно сосуществуют крайне полярные оценки роли и значимости крестьянского протеста в один и тот же период. Парадокс заключается в том, что из имеющегося в распоряжении исследователей массива источников можно подобрать аргументы как для первой, так и для второй точек зрения. Практически все авторы неизбежно отмечали, что перемены в сознании масс имели место на каждом новом качественном этапе развития общества: после реформы 1861 г., в 70-80-х гг., в период первой и второй революций. По большому счету подобный вывод и не требует доказательств – скорее больше вопросов вызывало бы утверждение об обратном – об отсутствии перемен. Жизнь неизбежно идет вперед, общество развивается, так что перемены – как в обществе в целом, так и в сознании его части – более чем очевидны. Абсолютное большинство исследователей обращает внимание на все новое в сознании крестьян. При этом историк невольно оказывается своеобразным «заложником» источника – принцип новизны определяется прежде всего его автором, именно он фиксирует то, что полагал новым. Очень часто новое проявляется, особенно поначалу, в единичных случаях. Естественно, что историк не может пройти мимо подобных свидетельств. Возникает вопрос – не происходит ли преувеличение значимости случившегося? Только в комплексе представлений будет ощутима подлинная важность и значимость новаций. Лишь совсем недавно исследователи стали обращать внимание не только на новое, но и старое в сознании, на «пережитки», «реликты».

Как нам представляется, разумно идти не от теоретических построений о сущности и видах крестьянского общественного сознания, и не от готовых суждений прежних исследователей, но от существующего фактического материала. Всесторонне сделать это крайне затруднительно, и в первую очередь из-за источниковой базы. Далеко не все источники соответствуют своей информативностью требованиям социологических исследований. В то же время дошедшие до сегодняшнего дня источники можно считать достаточно репрезентативной естественной выборкой. Достаточно часто источники использовались выборочно, в соответствии с поставленной темой и авторской задачей. В то же время гарантированно изучить *все* задача совершенно непосильная. Поднятая нами проблема как бы распадается на две важные части – количественный и качественный анализ социальной активности крестьянства. Количественный – это прежде всего статистический анализ крестьянских выступлений. Качественный – изучение сознания крестьянства. Изучить общественное сознание без учета социальной активности масс просто невозможно. Они находятся в тесной взаимосвязи и во взаимодействии: социальная активность влияет на развитие общественного сознания, а крестьянские представления проявляются в активном протесте. Социальная активность в итоге может быть изучена в «завершенном» виде (хроника), подвергнута математическому анализу и группировке. Проявления ее массовы и показательны. Это и создаст искомую основу. Данные же о крестьянских высказываниях, жалобах, решениях сходов и проч. будут дополнительными штрихами к общей картине.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ АЛЕКСАНДРА II

Сбитнева А.С., магистрант

Оренбургский государственный университет

В исторической науке особое место отводится вопросу учреждения мировых судов, а также некоторым аспектам основных этапов реализации этого судебного института. Интерес представляет и вопрос функционирования данного учреждения в Оренбургской губернии, так как он имеет свою специфику. Еще задолго до создания данного судебного ведомства многие юристы и правоведа говорили о необходимости подобного учреждения. Началом или поводом к реализации данной идее послужили либеральные реформы Александра II.

В частности, Кони А.Ф. неоднократно отмечал близость мирового суда к народу объясняя причину его популярности, поскольку уже через месяц после введения реформы сокращенное название «мировой» стало звучать в народе как нечто давно знакомое [8, с. 87].

Итак, новым судебным учреждением, провозглашенным судебной реформой 1864 года, стал институт мировых судей. Оренбургская губерния, как и другие губернии Европейской России, стала местом формирования и деятельности этого нового института. Мировые судьи избирались земским собранием на 3 года. Они рассматривали незначительные споры имущественного характера и дела о малозначительных преступлениях либо о проступках. Самым строгим наказанием, которое мог налагать мировой судья, было лишение свободы в тюрьме сроком до одного года [9, с. 17].

В губернии мировые суды были созданы в 1875–1879 годах. Кандидат в мировые судьи должен был иметь в собственности не менее 350 десятин земли. Каждый мировой судья исполнял судебную власть на определённом участке, объединявшем несколько волостей. В Оренбургской губернии существовало 30 таких участков, которые были объединены в 5 судебных округов по числу уездов. В компетенции мировых судей находились уголовные преступления с наказанием не более 1 года тюрьмы и гражданские дела с убытком, не превышавшим 500 рублей [6, с. 44].

Волосатых Е. А. в научной статье «Виды мировых судей в России: история и современность», прежде всего обращает внимание на основные категории мировых судей, определяя правовые компетенции и значимость каждой из них. Законодатель предполагал введение трех категорий мировых судей: участковые мировые судьи, почетные участковые мировые судьи, почетные мировые судьи. Все они отличались по своему правовому статусу. Исходя из практической значимости, также с учетом количественного соотношения основной категорией являлись участковые мировые судьи. Устанавливались единые требования к кандидатам всех видов мировых судей, существенная разница заключалась в

организации и обеспечении деятельности участкового и почетного мирового судьи. Деятельность участкового судьи ограничивалась территорией его участка, на котором он должен был пребывать безотлучно и занимать одновременно какую-либо государственную или общественную должность, кроме почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях [6, с. 221].

В отличие от участкового мирового судьи почетный мировой судья не имел закрепленного за ним судебного участка и не был обязан постоянно проживать на территории судебного-мирового округа. Почетный мировой судья во время пребывания его в округе был обязан рассматривать в пределах своей компетенции дела в тех случаях, когда обе стороны обращались к его посредничеству. Участковый же мировой судья мог начинать производство дела и по заявлению одной стороны [6, с. 223]. Подобное разграничение позволяло эффективнее построить работу мировых судей на местах.

Так, например, в Оренбургской губернии проходили гражданскую службу 10 участковых мировых судей. В основном все они служили в чине коллежских и титулярных советников. На должность участкового мирового судьи 6-го участка была объявлена вакансия. В 1888 году в Оренбурге свою службу так же проходил титулярный советник Л. И. Жиромирский в должности добавочного мирового судьи [5, с. 57]. Должность добавочного мирового судьи была необходима ввиду того, что в Оренбургской губернии не хватало участковых мировых судей для надлежащего отправления правосудия. Добавочные мировые судьи вводились с целью исполнения обязанностей участкового мирового судьи, в случае его болезни, временной отлучки, выбытия, высокой загруженности делами. Кроме того, решением съезда мировых судей добавочный мировой судья мог быть назначен непременным членом мирового съезда [4, с. 34].

На основе всего вышеизложенного, можно определить, что судебная система в губернии на первом этапе реформы была в основном унифицирована, однако оставалась достаточно запутанной. Действовавшее процессуальное законодательство не позволяло чётко разграничить юрисдикцию судебных учреждений разного уровня и неодинаковой компетенции. Кроме того, реорганизованные судебные органы не справлялись с большим количеством поступавших дел. Так, в Оренбургской губернии к 1 июля 1866 года оставались неразрешенными 1207 дел по первой судебной инстанции. Год от года положение ухудшалось. К 1 января 1872 года, например, только уездные мировые суды не успели разрешить 1643 дела. По второй инстанции, представленной Оренбургской палатой гражданского и уголовного суда, в 1865 году остались неразрешенными 896 дел, в 1871 году – 1567, в 1882 году – 3324 дела [2, с. 16].

Мировой судья имел особый знак отличия – золотую цепь с аллегорическим символом закона. Мировым судьей мог стать каждый представитель мужского пола в возрасте не ниже 25 лет, имевший российское подданство, высшее или среднее образование, либо трехлетний стаж работы, владевшие не менее 400 десятинами земли, а при отсутствии таковой – имуществом на сумму не менее 15000 рублей.

Касательно половой дискриминации мировых судей, интересный пример приводится в монографии В. Емельянова «Оренбургская фемида». Автор рассматривает современный этап развития судебной системы и сообщает о том, что подобная дискриминация устранена: из 96 мировых судей, работавших в Оренбургской области в 2006 году, 67 были женщинами [9, с. 21].

12 июля 1889 года в большинстве губерний России институт мировых судей был упразднен, а 15 июня 1912 года вновь восстановлен. В феврале 1912 года Государственной Думой был принят закон «О преобразовании местного суда», сохранивший органы мировой юстиции. Закон предусматривал внесение существенных поправок в порядок формирования и замещения мировых инстанций. Особое внимание уделялось образованию мировых округов. Пределы мирового округа определялись территорией уезда с «находящимися в нем городами». Разделение мирового округа на мировые участки происходило по предложению уездных земских собраний и заключению съезда мировых судей, подлежащих обязательному утверждению министром юстиции. Исключение составили Оренбургская, Ставропольская и Архангельская губернии. В этих территориях представляемый на одобрение министра юстиции проект разграничения судебных участков разрабатывался съездом мировых судей.

Наряду с замещением должности судьи на выборных началах новый закон ввел на территориях Оренбургской и еще 2 губерний назначение мировых судей непосредственно министром юстиции. Съездом мировых судей Оренбургской области направлялось представление о кандидатах на должность. Оно принималось общим голосованием членов съезда мировых судей. Утвержденные в ходе избрания или назначения кандидаты на должность мирового судьи принимали присягу, после чего «допускались к исправлению своих должностей» [3, с. 180].

В архивах сохранились сведения об известном в Оренбурге помещике Александре Александровиче Тимашеве. Высочайшим приказом по Министерству юстиции он был назначен почетным мировым судьей Оренбургского округа 31 мая 1884 года и проработал в этой должности 10 лет. А. А. Тимашев переназначался на должность почетного мирового судьи каждые 3 года. Впервые А. А. Тимашев вступил в эту должность в 26 лет. Он получил «воспитание в старшем специальном классе Пажеского Его Императорского величия корпуса», имел чин ротмистра, был адъютантом военного министра, числился в гвардейской кавалерии [1, с. 1-30].

В целом, от мирового суда ожидали многого. Он должен осуществлять правосудие по таким делам, для которых «до сих пор вообще не было ни суда, ни расправы» и привести право в такую сферу отношений общества, где, по словам В. П. Безобразова «не существовало призрака права, даже понятия о возможности права» [7, с. 27]. Как и другие институты, провозглашенные судебной реформой 1864 года, в Оренбургской губернии этот судебный орган появился с заметным опозданием, по сравнению с Европейской частью России, что, конечно же, не могло не сказаться на его эффективности.

В настоящее время, там, где становление института мировых судей осуществляется последовательно и целенаправленно, мировые судьи назначены и в пределах своей компетенции активно включаются в процесс осуществления правосудия, они значительно разгружают суды общей юрисдикции.

Таким образом, причины возрождения института мировых судей в России носят закономерный, объективный характер и вызваны развитием общих тенденций совершенствования судопроизводства, необходимостью реорганизации судебной системы. Это также необходимость освобождения федеральных судей от рассмотрения незначительных дел в связи с увеличением количества обращений в суды, а также желание ликвидировать конфликты посредством использования примирительных процедур.

В целом, судебная реформа 1864 года проводилась в рамках общепризнанных принципов, норм и правил, установленных «Учреждением судебных установлений», но в Оренбургской губернии она имела свою специфику реализации, в частности и в вопросе деятельности мировых судов, поскольку в особых условиях в Оренбургской губернии вводится и институт добавочных мировых судей.

Список литературы

- 1 Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 3 Д. 3684 Л. 1-30.
- 2 ГАОО. Ф. 55. Оп. 4 Д. 19 Л. 16.
- 3 ГАОО. Ф. 66. (Наряд к сведению и руководству мирового судьи 1-го участка Орского округа за 1879-1881 гг.). Оп. 1. Д. 14 Л. 180-181.
- 4 Адрес- календарь и справочная книжка по Оренбургской губернии на 1880 год. – Оренбург: губернская типография, 1880 – 278 с.
- 5 Адрес- календарь и справочная книжка по Оренбургской губернии на 1888 год. – Оренбург: Изд-во Бреслина, 1888 – 441 с.
- 6 Волосатых, Е. А. Виды мировых судей в России: история и современность / Е. А. Волосатых. – Саратов: Вестник Саратовской Юриды-ческой академии, 2015. – 224 с.
- 7 Емельянов, В. В., Бирюкова, В. А. Оренбургская фемида / В. В. Емельянов, В. А. Бирюкова. – Оренбург: Агентство Пресса, 2007. – 247 с.
- 8 Кони, А.Ф. Избранные произведения. Статьи и записки. Судебные речи. Воспоминания/ А.Ф. Кони. – М.: «Госюриздат», - 1959. 632 с. Т 1.
- 9 Лонская, С. В. Мировая юстиция в России / С. В. Лонская. – Калининград: КГУ, 2000. – 215 с. – ISBN 5-88874-192-2

ВКЛАД ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

**Томина Е.Ф., кандидат педагогических наук,
Оренбургский государственный университет**

Историки-монархисты называют период, предшествовавший первой мировой войне, «золотым веком» России, умеренные оптимисты заявляют о прерванном взлете, а советская историография рисовала картину отсталости и слабости страны в дореволюционный период. На основании оценок, которые проводились в 1910-х годах, можно утверждать, что перед первой мировой Россия вышла в лидеры по темпам экономического роста в Европе, что позволило ей сократить отставание от ведущих экономических держав.

Рывок, который совершала Россия в промышленном производстве, в значительной степени уменьшается, если сравнивать показатели экономического роста в расчете на душу населения. Исключительно высокий рост населения сводил, почти на нет успехи в экономическом развитии. К началу первой мировой доля россиян в общей численности мирового населения составляла чуть более 10%, а доля промышленного производства лишь ненамного превышала 5%. Исключение составляло производство нефти (чуть менее 20% от мирового производства) и сахара (чуть более 10%).

Сельское хозяйство в предвоенный период развивалось в России далеко не столь динамично, как, к примеру, горнодобывающая промышленность и металлообработка. При этом Россия была на 90% крестьянской страной.

Крестьяне существовали в условиях неэффективного сельского хозяйства, что не позволяло подавляющему большинству из них добиться значительного повышения уровня жизни. При этом историки признают, что и среди горожан было не очень много обеспеченных людей. По некоторым оценкам, сделанным незадолго до войны, по отношению к численности населения удельный вес имущих слоев в Пруссии был в шесть раз выше, чем в России, при том, что Пруссия была не самой обеспеченной страной мира. Между тем, состояние экономики России связано было с колебаниями урожайности. Урожайные годы сами по себе давали маленький экономический бум. Накануне войны было несколько хороших урожайных лет подряд, которые позволили в значительной степени ликвидировать задолженность по уплате налогов крестьянами и накопить им определенные излишки; улучшили позиции российского экспорта, потому что стали предприниматься меры для повышения качества экспортируемого зерна и, соответственно, закупочных цен на него.

Кроме того, как считают специалисты, был определенный взлет потребительского спроса на внутреннем рынке, в основном, за счет сельского населения. Это позволило промышленности, которая производила потребительские товары и зачатки бытовой техники – в частности, знаменитые швейные машины «Зингер», – довольно уверенно нарастить производство и сбыт внутри стра-

ны. По основным показателям Россия стояла несколько ниже развитых европейских держав, но находилась на уровне Австро-Венгрии, опережала Италию и Испанию. С точки зрения настоящего времени это картина выглядела почти оптимистически.

В канун первой мировой ситуация в экономике, как это зачастую бывает, во многом определялась целым грузом проблем, не связанных с экономикой. В любом случае, самодержавие оставалось, и, в конечном счете, все определялось если и не самодержцем, то достаточно узким кругом лиц. Это привело к столкновению интересов верхушки с теми слоями, которые считали, что могут разделить ответственность за развитие России – в частности, с предпринимательством.

Правительство имело, свои взгляды на решение проблемы с продовольствием в преддверии Февральской революции, отличное от мнения предпринимателей. Между тем, именно перебои с поставками продовольствия стали одним из основных факторов, спровоцировавших революцию в столице империи. Накануне войны в России начались процессы, которые смогли бы дать ей мощный толчок за счет усилий частной инициативы. Были созданы крупные промышленные группы вокруг коммерческих банков, группы, которые действовали вокруг бывших крупных промышленных предприятий.

Так по данным Государственного архива Оренбургской области, промышленная кооперация Оренбургской губернии в 1915 г., когда действовало 112 артелей, охватила 89 тысяч человек, а к 1917 г. – свыше 118 тысяч человек в 125 артелях.

Пуховязальный промысел был распространён в Оренбургской губернии среди женского и крестьянского населения. К 1915 году в Оренбургской губернии насчитывалось 19 пуховязальных артелей, в них трудилось 28400 вязальщиц, а к 1917 году 37500 работающих в 24 артелях. В годы Первой мировой войны пуховязальные кооперативы сыграли немаловажную роль в снабжении армии. Было организовано производство тёплых вещей, в первую очередь для солдат и казаков, воевавших на фронте. В 1915 г. в Оренбуржье было произведено платков – 17400, шапок – 12300, 14700 – пар варежек, 11200 – шарфов, 12700 – пар носков. Всего за время войны пуховязальными кооперативами Оренбуржья на фронт было отправлено 42300 пар тёплых носков и 32600 пар варежек.

Оружейное кооперативное производство внесло весомый вклад в снабжение фронта. Оно началось в губернии в 1913 г., после получения разрешения двух министров – военного и внутренних дел, на основании Императорского указа от 16 мая 1912 года об открытии оружейного кооперативного производства на территории России. Во время войны кооперативные заводы работали без выходных и по 12 часов. В 1914 году оружейные кооперативы Оренбургской губернии произвели 327 ручных гранат, в 1915 г. это число возросло до 425 тыс., а в 1916 г. на фронт отправлено 758 тыс. гранат.

В 1915 году в Оренбургской губернии действовало 2 оружейных кооперативных завода и 4 оружейные артели с 12500 работающими, а к 1917 году рабо-

тали 3 оружейных кооперативных завода и 5 артелей, на которых трудились 26400 человек. К началу 1916 году в губернии насчитывалось 34 артели. Так выглядела промышленность в Оренбургской губернии в 1914-1915 годах. С сельским хозяйством в губернии было всё немного лучше.

1914 год для населения Оренбургской губернии, благосостояние которого основывается главным образом на земледелии по результатам урожая хлебов и трав, как можно видеть из нижеприведённых данных, был хотя и не столь хорошим, как 1913-й год, но, в общем, все же благоприятным.

Таблица 1 – Количество десятин земли губернии засеянных хлебными растениями [1].

Уезды	1913	1914	Более
Оренбургский	714.711	727.111	12.400
Орский	173.776	199.100	25.324
В-Уральский	169.914	192.000	22.085
Троицкий	281.940	306.709	24.769
Челябинский	626.463	711.099	84.636
Итого	1.966.805	2.136.019	169.214

Увеличение посевной площади на 169.214 десятин объясняется хорошим урожаем хлебов в 1913 году...» [1].

Тем не менее, несмотря, на значительный рост посевной площади, хлеба было, по сравнению с предшествующим годом, собрано на 15 слишком миллионов пудов меньше. Однако, уменьшение это в отчётном году возмещено весьма благоприятными условиями реализации урожая, а именно: во-первых, хлеб как убранный своевременно и при вполне хорошей погоде, получился высокого качества и, во-вторых, на него был усиленный спрос на нужды армии по случаю войны, между тем, земледельческое население, располагавшее, в виду прекращения продажи крепких напитков, денежными средствами, которые до этого шли на приобретение вина, получило возможность воздержаться от продажи хлеба по низким ценам и сбывать его в моменты их высшего повышения – в конце отчётного года. Тому же способствовало в значительной степени пособие, выдаваемое от казны семействам запасных и ратников, призванных на военную службу.

Следствием всех этих обстоятельств явилось то, что главные хлебные продукты – рожь, пшеница и овёс, цена которых в 1913 год была не выше 62 копеек /рожь/, 80 копеек /пшеница/ и 60 копеек /овёс/, в зиму отчётного года продавались по 82 копейки /за первую/, 1 руб. /за вторую/ и 80 копеек /за овёс/.

Что касается урожая трав, то хотя он в отчётном году и был ниже урожая 1913 года. В 1914 году сбор сена равнялся 76000000 пудов, однако вместе с за-

пасами, оставшимися от предыдущего года, был вполне достаточен для прокормления скота, что и отразилось благоприятно на скотоводческом хозяйстве... [2].

Так, население обеспеченное продовольственными средствами и располагавшее, кроме того, значительными денежными суммами, оставшимися по случаю прекращения продажи спиртных напитков, получило возможность не только оставлять у себя скот с приплодом, но даже, местами, и прикупать его для своих хозяйственных потребностей. Благодаря этому, население воздерживалось от усиленного предложения скота для продажи, и цены на него, против 1913 года, состояли значительно выше; так лошади продавались по 65-100 руб., быки 65-90 руб., коровы 40-70 руб., вместо 55-80 р., 60-80 р., 40-60 р. предыдущего года [1].

Несмотря на изложенные обстоятельства, служившие к увеличению количества скота, к концу отчётного года мало разнилось от числа скота за 1913 год, что объясняется усиленным требованием скота / крупнорогатого и в особенности лошадей / на нужды армии [1]. Обращаясь к другим промыслам и занятиям, дающим населению заработки, из которых наиболее видимыми являются промыслы лесной, извозный, кустарный и местные заработки на заводах и золотых приисках, следует заметить, что они, с земледелием и скотоводством, имеют очень небольшое значение, при чём ими занимается лишь незначительная часть населения.

Более существенный заработок давали полевые работы, благодаря повышенным ценам на рабочие руки: в среднем, поденщикам платили – 1 р. 07 коп., пешему мужчине – 76 коп., женщине – 2 р.; конном, тогда как в 1913 году тем же поденщикам платилось 90 коп., 64 коп., 1 р. 78 коп. Зато в некоторых местах, /например, в Челябинском уезде/ местное население лишено было возможности использовать увеличение заработной платы, так как, за недостатком своих работников, должно было платить пришлым рабочим из соседних губерний и областей /например из пермской губернии и Тургайской области [1]. Это данные по 1914 году, в Оренбургской губернии преобладали частные промышленные предприятия. Основную силу экономики составляло сельское хозяйство. «31 августа с/г. доставлены Губернской Управе Оренбургской Уездной Земской Управой. Следующие сведения, о могущих быть изготовленными в пределах Исаевской волости предметах снаряжения армии, с указанием условий и лиц, предложивших труд... (см. таблицу 2)».

Таблица 2 – Производство предметов армейского пользования [3]:

Имена, отчества и фамилии лиц, предложивших труд по изготовлению	Какие предметы могут быть изготовлены	По какой цене и к какому сроку
Егор Заха-	Вальки без	Вальки по 4 руб. за пару (боль-

рович Шипилов	оковки Дышла Оглобли	шой и два маленьких) из своего материала в неделю может приготовить 10 пар. Дышла – 2 р. 50 коп. – 15 пар в неделю. Оглобли – 3 р. За пару – 3 пары в неделю.
Василий Порфирьевич Колыхалов	Стойки к палаткам и приколыши	Сосновые стойки по 25 коп. арш., берёзовые 35 коп. Приколыши по 20 коп.
Степан Семенович Чурносов	Стойки к палаткам и приколыши	Сосновые стойки по 25 коп. аршин, берёзовые 50 коп. Приколыши по 20 коп за аршин. В неделю может выделять 60 стоек и 200 подколошей
Гибиддула Хисматтулин	Верёвки коновязная и постро-мочная	По 6 р. За пуд из его материала; Выработать может в неделю 50 пудов.
Фёдор Николаевич Маркелов	Подковы и оси (без втулок)	Подковы по 80 коп. за стан оси 4 р. 50 коп. за каждую. В неделю может изготовить 50 пар подков и 1 стан осей (без втулок)
Семён Фёдорович Агеев	Подковы и оси (без втулок)	Подковы по 80 коп. за стан оси 4 р. 50 коп. за каждую. В неделю может изготовить 50 пар подков и 1 стан осей (без втулок)
Егор Гаврилович Меньщиков	Подковы и оси (без втулок)	Подковы по 80 коп. за стан оси 4 р. 50 коп. за каждую. В неделю может изготовить 50 пар подков и 1 стан осей (без втулок)
Павел Гаврилович Курьинин	Оковка вальков. Шкворни	2 руб. 50 коп. с пары, в неделю 10 пар по 25 коп. за штуку вырабатывает в неделю 100 штук.
Василий Александрович Таранов	Починка ружей (без замены главных частей) и других металлических предметов.	

Таким образом, Оренбургская губерния в довоенный период и в годы первой мировой войны представляет особый интерес для исследования, которая в начале была одной из крупных в России – аграрной и окраинной. Уделяется

особое внимание темпу роста по всем показателям экономики достигнутых в труде, жизни населения, как в 1913 году, так и в годы войны.

Список литературы

1. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 145. Л. 48. 49, 50.
2. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 146. Л. 3.
3. ГАОО. Ф.43. Оп. 1. Д. 650. Л. 118.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЛИКА КИЕВСКОЙ РУСИ В ФИЛЬМЕ «ВИКИНГ» 2017 ГОДА

Турсунбаева Д. И., магистрант,
Оренбургский государственный университет

«Викинг» – российский исторический художественный фильм режиссёра Андрея Кравчука, повествующий о приходе в X веке к власти на Руси князя Владимира Святославича. В основу фильма были взяты события, описанные в «Повести временных лет». Слоганом кинокартины стала фраза: «Тебе нужно увидеть, чтобы поверить». Российская премьера фильма состоялась 29 декабря 2016 года, а мировая премьера прошла 6 января 2017 года. В прокат вышло 2 версии кинофильма: 18+ (длится 133 минуты) и 12+ (128 минут).

С бюджетом в 1,25 млрд рублей (по одним источникам это составило 20 млн. долларов, по другим – 40 млн. долларов) «Викинг» стал одним из самых дорогостоящих фильмов в истории российского кино, поэтому, несмотря на рекордно высокие сборы в первые дни проката, некоторые критики утверждают, что картина в итоге не окупилась. В прессе фильм получил противоречивые отзывы: его хвалили за масштабность, но критиковали за слабый сюжет и за то, как изображена древняя Русь.

Идея фильма. Весь фильм построен на том, чтобы показать каким жестоким мог быть Владимир, когда еще он был язычником. Приносил жертвы, заставлял делать людей то, что ему было угодно. Даже по тональности возобладают серые и черные цвета. Однако, в конце фильма, когда Владимир раскаивается перед священником, сразу же появляются светлые краски. То есть идея была в том, чтобы показать величие христианской церкви. Но создатели фильма мало учли историческую действительность, то есть каким на самом деле был князь Владимир.

Политический и социальный строй. Политический строй в фильме в основном показан верно. Во главе всех княжеств стоял Киев, и ему города должны были платить дань [1, с.10]. В Киеве правил старший из сыновей Рюриковичей. В городах же во главе стоял князь, которому подчинялись воеводы, дружина и т. д. В фильме всех показали на столько дикими, возможно потому, что в основном в дружине князя были викинги, которых он за определенную плату нанял на службу. Однако, должного внимания политике в этом фильме уделяется мало, так как было показано очень много сражений Владимира. Из социального строя показали лишь князя, его воевод, волхвов или жрецов и простых людей, которые в основном были для массовки.

Город. Укрепление. Исследователи выделяют несколько типов городищ: 1) поселения с планировкой оборонительных сооружений, полностью повторяющей особенности рельефа местности, 2) поселения с планировкой оборонительных сооружений, лишь частично использующей защитные свойства рельефа местности, 3) поселения с оборонительными сооружениями правильной

геометрической формы, вне зависимости от особенностей рельефа местности, 4) поселения со сложным планом оборонительных сооружений, построенных как с учетом защитных свойств рельефа местности, так и без него. Прежде всего, города старались расположить так, чтобы можно было оборонять её со всех сторон. Особенностью городов VIII-IX веков было то, что обороной на первом месте служили искусственные оборонительные сооружения – земляные вали и рвы. В конце X – начале XI века появляются укрепления правильной геометрической формы – круглые в планировке. Так же нужно отметить, что стены укреплений располагались так, чтобы из них было удобно вести стрельбу. Деревянные срубы состояли из впритык поставленных друг к другу бревен, забитые землей и камнями. Высота могла достигать 12 метров. Внутри срубы делились на клетки: вдоль на две и поперек на шесть [7, с.106].

В фильме действия в основном разворачиваются в таких городах как Полоцк и Киев. В это период на территории Древней Руси использовали первый тип городищ. То есть нужно отметить, что Полоцк был построен с учетом рельефа местности, болот в то время. Фильм начинается с того, что Олег бежит от Ярополка в Полоцк. И очень подробно показывают укрепление этого города. Оно по геометрической форме было квадратным, земляной вал с деревянными стенами, вокруг был вырыт ров с кольями, куда и упал Олег. Так же перед входом в город был мост, который устраивался на столбовых опорах и во время нападения разрушался [6, с.43].

К памятникам военного зодчества так же можно отнести укрепления Киева. С IX по X вв Киев представлял из себя небольшой город, который располагался на мысу высокой горы над Днепровскими кручами. П. А. Раппопорт в своей работе писал, что так как в поселениях располагались небольшие общины и строительства мощных укреплений еще не было. В фильме, когда отряд Владимира подходит к Киеву, так же можно увидеть укрепление. Недалеко друг от друга располагались смотровые башни. Был лишь один вход в город. За укреплениями так же находились жилища людей, все были расположены около берега [6, с.87].

Как мы видим в фильме, внутренняя планировка города Киева была хаотичной. Дома располагались в основном по периметру укреплений. Так же располагались какие-то предметы, видимо ремесленные, были различные повозки с лошадьми, в основном в них были орудия для отбивания нападения на город. Различные камни, поджигательные колеса, бревна и т. д. Было всё готово для боя. Во время нападения печенегов во главе с Варяжко на Киев, с высоты птичьего полета показали весь масштаб города. Как в начале фильма, так и в середине проиллюстрировали то, что город находился на берегу реки. Языческие места поклонения тоже были на берегу реки, где проводились различные жертвоприношения и моления. Вне города были и места для ловли рыбы, различные рыболовные сети, которые были вывешены повсюду. Это говорит о том, что древние славяне активно занимались рыболовством.

Внутри укрепления тоже показали очень подробно. На дорогах лежали бревна, которые представляли собой что-то похожее на дорожки. Показано из-

нутри здание резиденции князя, но оно на вид было очень бедно. То есть создатели фильма показали лишь столы, расположенные по стенам, где сидели викинги. Были так же столбы, на которых был высечен растительный орнамент. Далее показывают место, где Владимир ждал Ярополка. Это было похоже на какую-то кладовую, потому что под лестницей там лежали яблоки. Для чего их там разместили, остается лишь гадать. В этом же помещении были развешаны шкуры животных, военное снаряжение, тут же посуда и т. д. То есть внутри помещения, как и снаружи в городе творился хаос. На протяжении всего фильма какие-либо комнаты, помещения были показаны в темных тонах. Скорее всего, авторы хотели этим показать всю ту тёмность и непросвятленность язычества, которую только можно было бы представить.

Одежда. Одежду в фильме показали очень бедно. Например, Рогнеда, на всем протяжении фильма носила одно и то же платье, хотя была дочерью полоцкого князя. На ней было на вид платье из жесткой ткани, возможно суконная, светло-коричневого цвета. На запястье рукава собраны браслетом (опястьем). На одном из языческих обрядов она вырядилась в лоскутки ткани, которая была развешана различными украшениями. Ирина носила более яркую одежду. На ней было платье совсем из другого материала, темно-синего или темно-зеленого цвета. Голову покрывала платком под цвет платья. Авторы фильма опять сделали акцент на том, что христианство вело к лучшей жизни, что это «свет». Даже то, как Ирина одевалась было красиво и аккуратно. Все мужчины фильма носили одежду или черного или темно-коричневого цвета. Было очень похоже на рубахи, только они не доходили до колен, были сделаны из грубого материала. Поверх были надеты разного рода жилетки. Очень странно было то, что некоторые носили поверх рубахи что-то наподобие безрукавки из кожи. То есть материал был на вид гладкий и блестящий. У всех воинов были на руках от локтя до запястья наручи. В начале фильма, есть такой кадр, где зимой во время охоты все накидывали поверх обычной одежды шкуру животного шерстью наружу. К сожалению, нет момента, где бы подробно можно было разглядеть штаны. Так как рубаха доходит почти до колен и поверх обуви мужчины наматывали на ноги то шкуру зверей, то еще какой-нибудь материал. Но можно увидеть, что ткань была темно-коричневого или светло-коричневого цвета, из грубого материала. Если сравнить с известными историческими данными, то можно утверждать, что одежда вполне соответствует исторической действительности [5, с.294].

Очень интересно представлена одежда волхвов. Они носили лоскуты ткани, которые сшивались между собой. Иногда на них была просто шкура животного.

В IX-X вв. славяне в основном использовали для одежды ткани собственного производства – шерстяные ткани (сукно, сермяга, опона, власяница). Прядение и ткачество были наиболее распространенным домашним занятием восточно-славянских женщин. Истахри и Ибн-Хаукаль в своих работах упоминали, что русы носят короткие куртки, низкие сапоги до щиколотки [2, с.93].

Обувь. К сожалению, актеров во время фильма показывали очень мало, а если показывали, нельзя было разглядеть и понять, во что они обуты. Из нескольких моментов можно углядеть, что возможно они носили поршни. Однако их обувь дополнялась намотанной вокруг ноги шкурой животного, в основном в холодное время года.

Украшение. На всём протяжении фильма все, и мужчины и женщины, носили самые разнообразные украшения. Если рассмотреть главного героя Владимира, то с момента, когда он появляется, на шее он носил гривну с различными подвесками [2, с.63]. Если присмотреться, то скорее можно отличить в подвеске фигуру зверя. Такие же гривны носили и другие актеры, сделанные из самых различных материалов, судя по тому, как они блестят, то наверное в основном из золота и бронзы. Также на безымянном пальце левой руки можно заметить кольцо на вид из серебра. Какие были узоры на кольце подробнее разглядеть не удастся. Но одно ясно точно, кольца носили более богатые слои населения, это сами князья Владимир, Ярополк и Олег, а так же из самые верные подданные такие как Варяжко.

Еще один из персонажей, у которого были самые разнообразные богатые украшения это Рогнеда. В кадре, когда викинги требуют плату за службу у Владимира, она отдает некоторые из своих украшений, которые были все из серебра. Несколько колец, браслеты или по-другому наручи и нагрудную подвеску. Браслеты представляли собой материал из серебра, состоящий из одной части и с высеченным на нем узором. Подвеска состояла из нескольких сцепленных между собой цепочек различной длины, из бус различного размера и цвета (белые, черные, коричневые, то есть натуральные цвета). Так же были прикреплены с разнообразными узорами привески. На шее у Рогнеды остается украшение, напоминающее бусы. Как и в подвеске, здесь были разных размеров и цвета бусы. У другой главной героини – Ирины были драгоценности из золота. Она положила все украшения сразу в одну кучу, но всё же удастся разглядеть что именно там было. Первое, что бросилось в глаза была гривна. Она состояла из двух аккуратно переплетенных между собой золотых проволок. Были различного вида кольца, цепи и браслеты. Нужно отметить, что украшения, которые отдала Ирина скорее всего были византийского происхождения, так как она была родом из Корсуни и у остальных героев в фильме ни разу не показали золотые украшения.

Оружие. В фильме показывают самое различное оружие, как дальнего боя, так и ближнего боя. Художественная картина начинает повествование с охоты. Тут показали почти все виды оружия, которые могли быть в Древней Руси. Для охоты в основном использовали луки со стрелами, топоры и копья [3, с.8]. Но есть такой момент, когда один из людей Ярополка натягивает стрелу на арбалет. Лук представлял из себя полуовальную форму, части которой были скреплены между собой черным материалом, который, к сожалению нельзя определить. Стрела была сделана из простой палки без наконечника с оперением в два пера. Топор был длиной примерно в длину руки. Лезвие было широким лезвием, продолговато-треугольной формы. Копья были не сильно длинны-

ми, меньше чем человеческий рост, наконечник копья разглядеть не возможно. Из оружия ближнего боя показывают в основном мечи. Точно можно сказать, что длина составляла примерно 1 метр, рукоять меча по-видимому была соединена с клинком, так как из некоторых моментов видно, что они слиты и была искривленная крестовина. То есть сам клинок был немного вогнут во внутрь посередине по всей длине [4, с.67]. В середине фильма, когда Владимир беседует со Свенельдом, очень хорошо видна рукоять меча. В этом эпизоде на ней высечены узоры.

Как уже описывалось выше, весь фильм построен на том, что идут бесконечные сражения. Поэтому не было затруднений при анализе оружия. Фильм очень яркий и качественный и красочно показаны были даже мелкие детали. В самом начале фильма, когда идет охота на животного, первым же делом обратила внимание на лук и стрелы. В то время лук использовали в форме буквы М, о чем неоднократно упоминалось ранее. Копья у всадников должны были быть длиннее человеческого роста. Топор должен был быть немного меньше в длине и ширине лезвия. Его показали слишком узким около лезвия, и вряд ли такой топор пригодился для охоты. В фильме же он показан слишком большой [5, с.314].

Доспехи. К снаряжениям древнерусского человека относили кольчугу, доспехи, щит и шлем. На всём протяжении фильма ни один раз не показали кольчугу. Ни один из героев её не носил. Но на актерах были наручи, которые появились лишь с конца XII века. В качестве доспехов на героях были что-то похожее на панцири, которые состояли из нескольких частей. Надевались через голову. Эти доспехи были разукрашены различными узорами, в основном присутствовал геометрический орнамент. Шлемы у всех были слиты из нескольких частей и были с масками. Однако маски, прикрепленные к шлемам, появляются лишь в XII веке. Щиты были круглой формы, в центре со сфероконическим умбоном [5, с.327].

В исторических работах многих исследователей говорилось, что Владимир был жестоким человеком, что не щадил никого, ни стариков ни женщин ни детей. У него было много наложниц. В фильме же его показывают бесхребетным человеком, который всех жалеет. В фильме прослеживается такая идеология, что христианство это такой своеобразный «свет», к которому пришел Владимир и благодаря нему пришли все. На самом же деле, Владимир крестился не потому, что на него сошла «божья благодать». На этот счет, до сих пор ведутся дискуссии.

Подводя итоги можно сказать, что в фильме история тесно переплетается с художественным вымыслом. Самого Владимира вопреки данным «Повести временных лет» показали слабохарактерным. Материальную культуру Руси немало исказили. Финал фильма свидетельствует, что он нацелен на пропаганду христианской религии.

В целом в фильме обнаружены следующие типичные ошибки: несоответствие оружия исторической эпохе, неправильно подобранные доспехи и материал одежды. Некоторые из них просто рассказывают нам историю, некоторые

фильмы сняты с целью пропаганды. Но с уверенностью можно сказать то, что в фильме показали героев, на которых можно равняться, с которых можно брать пример.

Список литературы

1. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Греков. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 569 с.
2. Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. – М.: Наука, 1997. – 368 с.
3. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие / А. Н. Кирпичников. – Л.: Наука, 1966. – 181 с.
4. Кирпичников, А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / А. Н. Кирпичников, издание 2-е. – СПб.: Альфарет, 2006. – 140 с.
5. Поляков, А. Н. История цивилизации в Древней Руси / А. Н. Поляков. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2012. – 544 с.
6. Раппопорт, П. А. Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. / П. А. Раппопорт. – СПб.: Наука, 1994. – 160 с.
7. Раппопорт, П. А. Древнерусская архитектура / П. А. Раппопорт. – СПб.: Стройиздат, 1993. – 289 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЁ ДЕЯТЕЛИ СОВРЕМЕННОСТИ

Чурбаев А.Р.

Башкирский Государственный Университет, Уфа

Глобализация в XXI веке затрагивает все сферы жизнедеятельности общества: экономические, политические, социальные и культурные отношения. Данный процесс представляет собой неотъемлемую часть современного существования, как необратимый процесс со многими достоинствами и недостатками. Стремительно развивающиеся информационные технологии вносят принципиально новые изменения не только в частную жизнь общества, но и в их традиционную культуру, представляя для индивидов объективной реальностью современности.

Современный мир столкнулся с принципиально новыми, никогда прежде не существовавшими проблемами, преодоление которых становится теперь условием выживания как самого человека, так и окружающего его мира в целом. Но это нисколько не устраняет наличие огромного количества проблем, которые существовали до этого и продолжают множиться. И их решение также требует соответствующих человеческих затрат, таких как время, ресурсы, материальные средства и энергии [2].

Решение предполагает объединение усилий абсолютного большинства людей планеты, а также различных государств и организации на международном уровне. В то же время отсутствие данного внимания к ним грозит серьезными последствиями для будущего всего человечества. Следует задаться вопросом: Существуют ли личности способные повлечь за собой развитие? Развитие – как вызов глобальным проблемам, способным дать новый толчок к созданию устойчивого развития процессу глобализации.

Среди важнейших глобальных проблем современности принято считать:

- проблема сохранения мира на Земле и недопущение создание глобальных конфликтов (войн);
- проблема преодоления разрыва в социально-экономическом развитии неблагоприятных стран;
- обеспечение экологического равновесия во взаимодействии природы с обществом и достижения устойчивого развития;
- осуществление контроля над демографическим процессом;
- приведение в соответствие потребления сырьевых и энергетических ресурсов с реальными запасами на планете;
- обеспечение продовольствием и другими средствами существования растущего населения планеты
- проблемы здравоохранения и создание оптимальных условий для здорового образа жизни;
- искоренение неграмотности и развития системы образования;

В последнее десятилетие к числу основных глобальных проблем добавились угрозы преступности и международного терроризма, которая уже стала формироваться как новый виток создания массового конфликта [3].

Сегодня, когда вызов человечеству имеет обоснованный характер на арене возможное появление личностей способных дать свое видение на решения острых проблем глобального характера.

Беспрецедентный уровень неравенства во многих странах мира является сегодня видом несправедливости, который может привести к появлению великих лидеров, страдающих тем, кто находится «на дне». Премьер-министр Канады Джастин Трюдо был избран отчасти благодаря своему обещанию помочь простым людям своей страны. Канцлер Германии А. Меркель, который не смотря на непопулярность политики приема беженцев сделала неожиданный шаг. С принятием тысячи беженцев из Сирии, политический лидер не только показал сильные стороны как человек, не оставляющий слабых людей без помощи. Также имея средства и ресурсы, позволила дать нуждающимся людям средства для существования.

С продолжением роста развития экономики и информационных технологии, лидеры Восточного мира, понимая трудности и перспективы, связанные с Четвёртой промышленной революцией первыми стали задумываться о внедрении условия ее развития. Премьер-министр Индии Нарендра Моди и председатель КНР Си Цзиньпин стали развивать новые, динамичные отрасли, которые выведут экономику их стран на передовые рубежи научного и технического прогресса.

Разумное применение новых технологий помогает бороться с бедностью. Миллиард индийцев, которые присоединились к системе «Аадхаар» (электронный паспорт), получили теперь прямой доступ к системе социальной защиты, минуя бюрократические барьеры. Миллиарды китайцев, которые совершают мобильные платежи с помощью смартфонов, получили прямой доступ ко всем видам потребительских товаров, что повышает их качество жизни [1].

На сегодняшний день человечество способно выявить ряд глобальных проблем, с которыми предстоит столкнуться. Глобализация выявляет деятелей способные регулировать экономические, политические, социальные и культурные отношения. Сильные решения и активные действия во благо способны оказать воздействие на вызовы глобальных проблем. Также найти пути их решения и в следствие обозначить политику созидания, как тренд XXI века.

Список литературы

1. Качество великого лидера [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.rambler.ru/other/37620410-kachestva-velikogo-lidera/?updated> (дата обращения: 25.04.2019).
2. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. — М., Проспект. 2017

3. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты. Спб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2012. 184 с.

РОЛЬ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СКИТОВ В ЖИЗНИ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ-СТАРООБРЯДЦЕВ

**Ягудина О.В., кандидат исторических наук
Оренбургский государственный университет**

Церковный раскол является значимым событием в российской истории XVII века. Часть общества, не признавшая реформы патриарха Никона, отделилась от официальной церкви. Представителей этого течения стали называть «раскольниками», а впоследствии «старообрядцами», «староверами».

Правительственный натиск на приверженцев старой веры вынудил их к бегству на окраинные территории. По закону от 1685 года, изданного правительством царевны Софьи, раскольникам, не пожелавшим отказаться от своих убеждений, грозило наказание «огненной смертью». Именно в это время в степях по Иргизу и Уралу появились скиты и монастыри «древнего благочестия».

Районами первоначального распространения староверия стали Заонежье, Среднее Поволжье, леса Белоруссии и северная Украина, донские степи и Урал. Здесь стали появляться первые старообрядческие скиты, которые, по сути, являлись небольшими монастырями, основанными в глухой местности. Как правило, в одном месте сосредотачивалось несколько скитов и монастырей, получавшие в среде староверов статус духовных центров.

Наиболее прославленными считались скиты Керженские, Стародубские, Ветковские, Иргизские, с которыми непосредственно контактировали уральские казаки-раскольники [3, с. 11]. По мнению русского философа В. В. Зеньковского, «центр и юг России не знали подобных общин смешанного светско-монастырского характера, и там старообрядческие организации, по преимуществу принадлежавшие к поповским толкам, строго разграничивали монастырское житие от жития в миру». Такие поповские монастыри и скиты располагались по большей части «на восточных окраинах - в казачьих областях и на Урале, или за границей, в областях старообрядческой эмиграции» [5, с. 399-400].

Старообрядцев, расселившихся по реке Керженец стали называть «кержаками». К концу XVII века на данной территории располагалось до сотни староверческих обителей. Именно здесь получило особое распространение учение о пришествии и воцарении в России Антихриста в лице Петра I [11, с. 82]. И когда во времена Петра I начнется разорение Керженских монастырей, большая часть раскольников бежит в Пермский край, в Сибирь, Стародубье, а также часть «наиболее сильных, волевых и предприимчивых старообрядцев уходит на Урал...» [10, с. 71]. Так учение о пришествии Антихриста распространится по всей Уральской области и за Уралом в Сибирь. Итогом этого переселения стало появление на стародубских землях во второй половине XVIII века три мужских и один женский монастыри, 17 церквей и 16 открытых часовен [8, с. 132-134].

Еще одним крупным центром старообрядчества стали ветковские монастыри, подвергавшиеся неоднократному разгрому, что в среде староверов по-

лучило название «выгонок». Всего в истории известно три «выгонки», но, несмотря на это Ветка снова и снова заселялась.

История иргизских монастырей более всего интересна для нашего исследования, так как именно они имели значительное влияние на уральское старообрядчество. Можно сказать, что раскол среди уральских казаков «питался» от иргизских скитов.

Когда было начато служение литургии на Иргизе, весть об этом очень быстро разнеслась на Дону, на Урале и по всему протяжению Волги. Раскольники стремились попасть туда, как в святое место. Они привозили с собой крупные пожертвования. «Со всех сторон, из Москвы и Петербурга, из Сибири, с Дона и Урала шли на «святой Иргиз» богомольцы и многие оставались со своими богатствами на жительство в монастырях». Со временем скиты превратились в богатые и многолюдные обители. Здесь проживало большое количество беглых попов, которыми потом Иргиз снабжал своих единоверцев на Дону и Урале [6, с. 23]. В 1752 году А. И. Тевкелев писал, что на Иргизе собралось около 3 тысяч человек разного звания [2, с. 345].

Благосклонное отношение правительства к иргизским скитам позволяло им долго время вести жизнь чуждую всяких забот, что привлекало к ним народ. «С берегов Дона и Урала множество казаков и казачек стекалось туда и селилось там. Принимая беглых попов, монастыри снабжали ими старообрядцев других мест» [9, с. 36].

Исследователь раскола, В. В. Андреев, приводит интересный пример того, насколько ценны были иргизские священники, отмечая, что за попа с Иргиза в 1825 году «платили 1000 рублей, между тем как в Стародубе 100 рублей считалось хорошею платой за попа» [1, с. 212].

На территории Уральского казачьего войска были и свои знаменитые скиты - Гниловский, Бородинский, Митрясовский, Сергеевский, Бударинский и Садовский. Перечисленные выше монастыри были известны с давних времен и местные власти неоднократно предпринимали карательные меры против них. По мнению гражданских властей они являлись «рассадником» раскола, перевалочным пунктом для многих беглых старообрядческих священников, скрывающихся от преследований правительства. В итоге, в ходе одного из таких карательных мероприятий, была уничтожена в Яицком городке раскольничья слобода - Шацкий монастырь (около 1741 года) [3, с. 21].

Одним из самых влиятельных скитов уральского казачества был Сергеевский на холмах Общего Сырта, основанный в 1793 года иргизским иноком Сергием [7, с. 106-107]. Возле него располагались хутора, принадлежавшие казакам Уральского войска, «стоящим у кормила православия, а между тем завзятым раскольникам». Это были земли войскового отставного старшины Акутина, полковницы Донской, полковника Буренина и других чиновников из высшей уральской аристократии. Все перечисленные выше казаки пользовались безусловным авторитетом, «не допуская никаких сомнений, так что бороться с ними было не всегда удобно и возможно» [12, с. 321]. К середине XIX столетия число старцев, Сергеевского скита, относящихся к войсковому сословию, со-

ставляло 10 человек.. Кроме того, здесь же проживали уволенный со службы войсковой старшина Харламей Донсков, два отставных урядника и 7 казаков, при чем 3 из них были единоверцами. К этому времени скит полностью жил за счет подаяния раскольников [12, с. 787-788].

Согласно донесениям оренбургского епархиального священника Малышева от 1881 года в Уральских горах располагался еще один менее известный скит, но многочисленный по количеству проживающих там. В этих местах находилось несколько женских и мужских скитов, наиболее известным из которых был скит организованный отставным урядником Мышляновым. Установить точное количество скитников не представлялось возможным, так как там проживали беглые лица разных званий, в том числе казаки Оренбургского и Уральского войск. Скиты были переполнены в зимнее время, летом же скитники удалялись в самые глухие места Уральских гор [4, лл. 10-11 об.].

Таким образом, старообрядческие скиты со временем приобретают статус духовных центров. Они становятся сосредоточением религиозно-общественной жизни старообрядчества. Между «миром» и скитниками существовал взаимовыгодный обмен, казаки оказывали материальную поддержку скиту, а скитники присылали на территорию войска духовную литературу и беглых священников. Но, несмотря на существенную помощь, даже после падения крупных старообрядческих скитов, раскол продолжал сохранять крепкие позиции в среде уральского казачества.

Список литературы

1. Андреев, В. В. Раскол и его значение в народной русской истории : исторический очерк / В. В. Андреева. СПб. : в Тип. М. Хана, 1870. VIII, 411, [1], IV с.
2. Витевский, В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. / В. Н. Витевский. Казань : типо-лит. В.М. Ключникова, 1890. Т. 2. 368 с.
3. Витевский, В. Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в XVIII и XIX в. / В. Н. Витевский. Казань : Типография Императорского университета, 1878. 239 с.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 55. Оп. 3.
5. Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество : Духовные движения XVII в. / С. А. Зеньковский. М. : Издательство «Церковь», 1995. 527 с.
6. Исторический очерк единоверия / [Соч.] М. С-го. - Санкт-Петербург : печатня В. Головина, 1867.
7. Махрова, Т. К. Раскол и единоверие в казачьих станицах Оренбургской епархии / Т. К. Махрова // Оренбургское казачье войско : Религиозно-нравственная культура. Сборник научных трудов под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2001. С. 104-124.

8. Мельников, Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви / Ф. Е. Мельников. Барнаул : Издательство БГПУ, 1999. 557 с.
9. Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. Москва: Унив. тип., 1864-1866. Т. 2. Вып. 4. 272 с.
10. Свистунов, В. М. Г. Ф. Зотов — уральский промышленник, старообрядец / В. М. Свистунов // Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы научно-практической конференции. М., 1998. С. 71-73.
11. Щапов, А. П. Земство и раскол / А. П. Щапов. Вып. 1. Санкт-Петербург: Д.Е. Кожанчиков, 1862. 161 с.
12. Чернавский, Н. М. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1–2. / Н. М. Чернавский. Оренбург : Тип. Оренбургской Духовной консистории, 1900–1902. В. 1. 346 с.